

Евгений Буянов

ИСТРЕБИТЕЛИ АВАРИЙ

Евгений Буянов

Истребители аварий

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176866

Аннотация

Героико-приключенческий роман о туристах, альпинистах и спасателях. Рассказывает о самоотверженной, драматической, полной опасностей и приключений борьбе с тяжелыми авариями на горных маршрутах Центрального Тянь-Шаня в районе ледника Иныльчек. Роман о мужестве, чести и отваге, о любви, преданности и дружбе, преодолевающих давление стихий.

Содержание

Часть 1. Белый ураган	4
Телеграмма (эпилог части первой)	4
«Белая мгла» (пролог части первой, девяносто седьмой час аварии)	5
Клинок аварии	7
Вал	9
Удары!	12
Ледовый склеп	19
Его жизнь	22
Предыстория одного похода	26
Рандклюфт	29
Флаг надежды	37
Наташа	40
«Мальмстрем» Каинды. Вадим Воронин	43
Подвиг Саши Белова	45
Рассказ Жени Берлиной	49
Из Мальмстрема... (Вадим Воронин)	51
Феерия	55
Любовь и Решимость	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Евгений Буянов

Истребители аварий

Роман лавин Тянь-Шаня

Часть 1. Белый ураган

Телеграмма (эпилог части первой)

...195-й час аварии рассек ее сообщением:

Ленинград, КСС,¹ Силину,
СРОЧНО!

Группа Лапина МК 27/91² потерпела аварию на леднике Каинды-Северный-4 у пика Шокальского 06.08.91. Один участник вышел, местонахождение еще троих известно. Ведется поиск остальных. Подробности телефоном.

КСС, Пржевальск,³ Халиев, Красовский, 14.08.91, 22.10

Это – эпилог, конец всей этой части первой, а прологом ее будет следующий короткий фрагмент начала пятых суток аварии.

¹ КСС – контрольно-спасательная служба (контролирует прохождение спортивной группы по маршруту и в случае надобности организует поиски и помощь; местная КСС следит за прохождением групп в районе походов, а республиканские и городские КСС – проверяют, регистрируют и выпускают группы по месту проживания участников). Единой спасательной службы, как сейчас МЧС (министерство по чрезвычайным ситуациям) тогда еще не существовало, – МЧС сложилось несколько позже в основном на базе туристских и альпинистских КСС и структур гражданской обороны.

² МК 27/91 – маршрутная книжка группы под № 27 в 1991 году (номер и полномочия КСС указаны в ее печати-штампе).

³ Пржевальск – областной центр Иссык-Кульской области, ныне Каракол (Киргизстан).

«Белая мгла» (пролог части первой, девяносто седьмой час аварии)

...Он шел один через снега ледника – притока громадного глетчера⁴ Каинды, и каждый шаг на этом пути мог стать последним. Вокруг стояла белая мгла, – марево света из-за рассеяния его туманом низких облаков и отражения от снежного покрова, в котором теряются почти все представления о расстоянии и окружающих предметах. Когда лежащий на снегу камень может показаться отдаленной вершиной горы, а мощная скала выступающего гребня видится небольшим просветом в облаках. В белой мгле глаза через темные очки почти ничего не видят, а без очков быстро отказывают совсем... И вся ситуация вокруг и внутри него покрыта такой же дымкой неопределенности каждого следующего шага, каждого следующего решения. Но остановиться перед опасностью нельзя, – спасение только в движении, – настойчивом и осторожном. Только вперед, иначе гибель! Можно рассчитывать только на себя, только призвав все оставшиеся силы, все умение и резервы души для движения, для борьбы!..

Закрытый⁵ снегом ледник для одинокого путника подобен минному полю, но роль мин здесь выполняют скрытые трещины, смерть от падения в которые может быть дольше и мучительнее смерти от взрыва мины... Падение в трещину, предательски прикрытую снегом, наносит тяжелые травмы выступами и сосульками острого льда, оно может роковым ударом зажать в клине скользких стенок, а влага и лютый холод легко добьют, если не удастся быстро освободиться. Даже при благополучном падении, без повреждений и заклинивания, выбраться из трещины, края которой прикрыты более чем метровым слоем снега, очень сложно... Помнится случай, когда 40 человек не смогли спасти одного, упавшего в клиновидную трещину на пятиметровую глубину: тот быстро скончался от сдавливания и переохладения... Группа легко одолевает коварство ледяных трещин, связываясь мощной веревкой, удерживая сорвавшихся от фатального исхода и моментально вытаскивая их из ледяных провалов. Но он один, – обломок аварии... Подобно саперу прощупывал склон зондом – телескопической лыжной палкой без кольца,⁶ стараясь ощутить предательские пустоты... Путь представлял сложную кривую, интуитивно избегавшую мест наиболее возможных разломов на участках перегиба склона с изменением крутизны и краев ледника. Особо осторожно преодолевал места возможного продолжения трещин, не видимых на середине, но чуть обнаженных на длинных продолжениях разломов. Местами приходилось переползать опасные участки, распластавшись на снегу и перетаскивая рюкзак за собой волоком на веревке. Несколько раз проваливался ногой в коварную пустоту и тут же ложился грудью на снег, кладя плашмя лыжные палки и ледоруб, зажатые в руках. Спасали широкие жесткие снегоступы – ужесточенные отгибом краев широкие пластины из алюминия, установленные между кошками и ботинками. Они позволяли двигаться, не проваливаясь по пояс в снег, но вот освободить ногу, если она уходила глубоко, очень непросто. В такие моменты выклады-

⁴ Глетчер – ледник (немецкое слово; обычно подразумевается ледник долинного типа).

⁵ Закрытый ледник – ледник, закрытый снегом (или фирном: зернистым уплотненным снегом) и требующий мер безопасности от падения в скрытые снегом трещины; открытый ледник – ледник без снежного покрова – голый лед или лед, покрытый камнями поверхностной морены. Мореной называется в общем случае нагромождения породы, возникающие из-за движения ледника (след ледника). Морены различаются обычно по расположению (оконечные, боковые, поверхностные... Выемка между мореной и ледником носит название «ледниковый карман», а выемка между мореной и склоном горы носит название «моренный карман».

⁶ Альпинистские палки выполнены как лыжные с возможностью регулировки длины (складывания телескопической конструкции).

вался весь и, тяжело дыша, старался умерить все движения: малейший толчок мог привести к непоправимому срыву с роковым полетом в ледяную бездну...

Облако, создававшее белую мглу, постепенно рассеялось. А день угас густыми сумерками со слоями серых облаков, закрывших огромное ущелье внизу и пики вершин. Менее чем в километре ледник обнажился от снега участками голого льда с видимыми трещинами, а еще дальше более крутые разрывы переходили в ступень ледопада. Пора на отдых, да и продолжение борьбы в темноте становилось неоправданно опасным. Выбрал участок плотного снега и, сбросив рюкзак, выкопал снегоступом яму глубиной в метр с боковой нишей – углублением для ног. Края ямы обложил снежными кирпичами, приподняв крышу, чтобы в жилище можно было не только лечь, но и сесть. Крышу сделал из прямоугольной накидки от дождя, растянутой за углы и прижатой по краям снегом. Оставшееся содержимое рюкзака уложил на утопанное дно жилища...

Перед сном получил скромное удовольствие в виде ужина из нескольких сухарей, сухофруктов и кружки чуть теплой воды, натопленной из снега на примитивной спиртовке... Полноценно заснуть не мог: слишком велико напряжение, слишком неудобно и холодно во временном убежище. Ночь прошла в полусне... Как в бреду возникали образы близких людей, живых и ушедших. Тяжело вспоминал товарищей по походу. Где они? Спят в снегах вечным сном, или, как он, ведут тяжелую борьбу за спасение?.. Не хочется верить, что с ними случилось самое страшное... Женья? Алексей?.. Наташа и Саня?.. Сергей, Миша, Коля?..

Клинок аварии

6 августа 1991 года, участок хребта Иныльчек-Тау, Центральный Тянь-Шань, высота 3800 м, 18.43. До аварии 3 минуты...

Образ похода: Простор

Мы снова любимся горным простором,
Упрятав уют глубоко в рюкзаке,
Бросаемся в утро настойчивым сбором
И в день – с ледорубом, зажатым в руке.

Дожди и усталость, промокшие ноги,
Тяжелые лямки, походная пыль,
Но если кто скажет: «К чему вам дороги?»
Мы тем усмехнемся: «Знакомая быль...»

Кто не был, – тем «небыль» вершины в дозоре
Поляна у речки и песни волна,
Ущелье в узоре и искра во взоре,
И светлая радость, что грустью полна!

Нам надо так мало для полного счастья
Тепла от палаток, друзей и костров,
Немного погоды, немного ненастья,
И вдоха победы от гор и ветров.

Ну вот, кажется, все... Последний спуск по веревке – «дюльфер»⁷ по скале и он, Вадим Воронин, тоже пойдет по снежному конусу на ледник вслед за товарищами. Их цепочка в сотне метров под ним уже растянулась по склону, – сходят «кошками»⁸ и «ножками», без веревок. Передовая тройка уже на плато ледника ждет четвертого, чтобы связаться и отойти подальше. Да, денек не из легких: на спуск прошли, кажется, 24 веревки, а может и больше. Более километра скально-ледовой стены крутизной в среднем градусов 50... Но не она тревожила. Весь день тревожил сознание этот ледосброс, огромная масса нависающего льда. Сейчас он остался далеко наверху и снизу, в лучах заката, напоминает искривленный клинок турецкого ятагана... Весь день опасно посматривал на него вверх. Прошли! Еще несколько минут приятного спуска по крутой скале, продергивание веревки, и шаги лягут к вечернему ужину, к теплу палатки и наслаждению тихими разговорами о перипетиях прошедшего дня. Новый взгляд на пережитое, наслаждение горячей едой и сладкое засыпание в предвкушении новых впечатлений... Да, а мой вариант был бы сложнее, – это теперь видно. Но он безопаснее... Так соединим же веревки для продергивания. Что такое!!!

Внутренний толчок заставляет интуитивно взглянуть вверх, и он видит!.. Он видит то, что на миг повергает в каменное оцепенение, как будто выворачивая внутренности винтом

⁷ «Дюльфер» – спуск по веревке на крутом склоне (так называется и один из устаревших способов такого спуска).

⁸ Кошки альпинистские – металлические зубья на платформе, прикрепляемые к ботинкам для ходьбы и лазания по льду, снегу, заледенелым скалам.

огромной мясорубки! Весь верхний припай колоссального ледосброса, вся «сабля» плавно и бесшумно отделяется, разламываясь на куски, и устремляется вниз, вниз! Падающие глыбы разбиваются в снежную пыль белыми облаками взрывов! Но вниз уже несется крик:

– Лавина!!! Лавина!!! Все от склона!!! На ледник!!! Бегом!!!

По реакции снизу он понял, что его услышали. А еще через мгновение разламывающий все небо треск, затем громовой удар заглушили все крики, сменившись раскатами рева падающей лавины...

Конец?!.. Шанс?!.. Как?! Брось! Отцеп! Фал влево, в щель! Бросок! Нет!!! Щель не спас!.. Ранд!?!.. Тормоз! Есть! Ап!..

Мысли неслись вихрем, как и набегающая стена лавины, но и они и их действия рождались интуитивно, как хват утопающего за соломинку. Последний шанс уходил вместе с крохами времени, – менее минуты, за которые лавина пройдет километр ската... Вместо прямого спуска по открытой потоку лавины скале, ведущему к гибели, избрал спуск в боковую расщелину, которая тоже не спасала, поскольку была наклонной, – это понял в следующий миг. Но конец этого пути заканчивался рандклюфтом – трещиной между скалой и ледником. Сбежать от лавины в трещину, – вот последний шанс и надежда, за которую ум ухватился последним решением... Глубины памяти хранили случай, когда альпинист спасся в «ранде» от камнепада...⁹ Но от лавины?!

На технические детали «правильного» спуска нет времени, как и на поиски иного решения. Некогда использовать вторую веревку, завязать схватывающий узел, закрыть муфту карабина...¹⁰ Несколько секунд ушло на то, чтобы отстегнуть самостраховку, перекинуть спусковую веревку-фал через себя в расщелину, вдеть ее в тормоз и, захватив руками, спрыгнуть со скалы вниз, положившись на свои силу, ловкость и прочность веревки. Нет времени надеть рукавицы, но, к счастью, на руках оказались шерстяные перчатки. Веревка на крюке держала надежно... И теперь он летел вниз по скальной щели огромными прыжками по восемь – десять метров наперегонки с лавиной! Туда, в раскрытую пасть трещины!

Грохот сдавил уши до боли, сверху ударила первая волна сжатого воздуха и летящей снежной пыли... До трещины не дотянул пару метров, когда снежный вихрь обрушился сверху, сбоку, снизу, развернул, закрутил и ударил об скалу... Вокруг остался только этот чудовищный вал – несущийся снег, снег и снег огромной массой, и ощущение ужасающей тяжести, наваливающейся сверху. Он не услышал своего крика, крика ужаса и отчаяния погибающего. Через мгновение все провалилось в черную пустоту небытия, в черный зев рандклюфта...

⁹ Этот документальный случай описан в книге В. Шатаева «Категория трудности», М., «Молодая гвардия», 1977 г., глава «Странные горы».

¹⁰ Защелка альпинистского карабина фиксируется обычно муфтой с резьбовым или байонетным креплением. Карабин служит для соединения веревок, крючьев и других предметов снаряжения и должен выдерживать на разрыв усилие не менее 1500 килограммов силы.

Вал

...Трое ребят, присевшие в ожидании внизу, на окончании снежного выката к плато ледника, вскочили. Одного короткого окрика и взгляда вверх оказалось достаточно, чтобы оценить опасность!

– Всем бегом на ледник! Дальше, как можно дальше! – скомандовал Лапин.

– Стой!!! Куда! Сашка назад! Назад!!!

Навстречу Белову, бросившемуся не на ледник, а к склону, с перекошенным лицом неся Акулинин, – Ак:

– Назад! Все равно не поможешь! А сам гробанешься!

«Назад?.. Но там же Натка!.. Она предупреждена, торопиться навстречу... Да, ее не ускорить...»

Наташа уже миновала нижнюю часть лавинного конуса и пыталась отбежать подальше. Из всех спустившихся со скалы она находилась в самом опасном положении, ближе всех к склону. Разрывы между звеньями этой бегущей цепочки составляли от 40 до 80 метров: Наташа Белова, Миша Неделин, Коля Ткачук, Саша Белов с Алексеем Акулининым (Аком) и, наконец, руководитель, – Сергей Лапин с Женей Берлиной. Попытаться отбежать подальше, – вот все, что каждый из них мог сделать для своего и общего спасенья! Помочь друг другу они не в силах... Интуитивно Саша бросился за любимой, но Ак его резко повернул: спасти засыпанного лавиной будет труднее, если засыплет кого-то еще...

Исход? О нем некогда задуматься в мгновенья роковые. Быстрее! Быстрее! Каждого прожгла мысль: «Сейчас „мало“ не будет!!! Вадиму не успеть... Кто следующий?.. Ой, прони, прони, боже!!! А снег выше колена, не слишком-то разбежишься под рюкзаком...

Есть ситуации, когда любой героизм, самопожертвование, любая смелость обречены на поражение. Есть ситуации, когда самое поспешное бегство – наиболее правильное действие. Само понятие «правильное» или «неправильное» в некотором смысле выше эмоциональных характеристик поступков! Людская оценка нередко исходит не из реальной обстановки, а из этих эмоциональных характеристик... Конечно же, правильная оценка должна учитывать не только характер действий, но и возможности достижения с их помощью требуемых целей... Да, так... И все же случается по-другому, и эмоциональный порыв позволяет человеку достичь невозможного... Когда «неправильное» становится «правильным» на сломе ситуации, на ее диком противоречии. Бывают исключения, подтверждающие правило в минуты роковые... Они – удел самых сильных и отважных... Будет еще такое исключение через сто часов аварии...

Раскаты грома догоняли, страшно оглянуться. Наташа ощутила, как огромная сила приподняла ее, как щепку, рывком подбросила и понесла, давя и поворачивая в воздухе. Все замелькало, все превратилось в размытые, бегущие линии. В какое-то мгновение она раз-

личила только участок склона вниз, несущийся с невероятной скоростью, и поняла, что с этой скоростью ее и ударит... Набежавший поток снежной пыли залепил лицо и бросил вниз, как в колодец. В момент удара о снежную подушку ледника она потеряла сознание от пронзительной боли в боку...

Колю Ткачука воздушная волна не подбросила, а сбила и понесла кубарем, как «перекасти-поле», «вынимая душу из тела»... Он мог только прикрыть лицо и голову руками, боясь, что голову просто оторвет... Не видя ничего, он почувствовал, как снежная волна накрыла его и сдавила так, что перехватило дыхание, выжало тошнотворный стон. Руки, ноги и шею выворачивало, выкручивало во всех направлениях. «Еще чуть-чуть и все!.. Все!?!.. Конец?!..» Ощущение такое, что глаза вдавит, а все остальное выдавит наружу кровавым месивом... Его буквально зацементировало в плотной снежной массе...

Мишу Неделина тоже сбilo, понесло, и он интуитивно почувствовал сходство этой стихии с бушующим морским валом. Он, превосходный пловец и любитель попрыгать в воду с вышки, сумел немного «удержаться на гребне», пройдя часть пути на верхушке снежной волны. Но потом подмяло и скрутило в бараний рог, выворачивая суставы...

Поняв, что сейчас даже в этом ужасе что-то произойдет, Ак не останавливаясь, с полуоборота оглянулся, и от увиденной картины перехватило дыхание. Огромная, клубящаяся волна снега ударила в верхнюю часть «их» остроконечной скалы и разбилась на три мощные струи: две брызнули с черными скальными обломками вниз и вбок, а третья, чисто-белая, взметнулась вверх ажурным колоссальным султаном. Султан возник на мгновение, а затем исчез как призрак в налетевших клубах пылевого облака. Пенный вал снега несясь под облаком со скоростью экспресса на всей видимой части склона... От бессилия Ак застонал и тут воздушная волна сбila с ног, он заскользил и покатился, проминая жесткий наст. Снежный вал накрыл с головой, сдвигал в объятиях, забивая лицо, нос, уши, перевернул несколько раз, и Леша полностью потерял ориентацию в пространстве...

Когда Сашу Белова понесло по поверхности снега со скоростью автомобиля, он живо ощутил наждачную жесткость этого мягкого снежка. Малейшие неровности отдавали ударами, то подбрасывали, то окунали в эту терку, снимая кожу до крови, и рвали одежду фирновым наждаком. Он задевал то рукой, то ногой, то лицом, его дергало, трясло и поворачивало во все стороны, неся по насту в струях снега куда-то далеко, к другому краю ледника...

Сергей и Женя увидели над собой клубящиеся вихри, как от рвущихся в воздухе ракет. Воздушная волна не сбila их, но снежный поток подсек снизу и понес по снежному полю, которое все на видимом пространстве пришло в движение, перекатываясь белыми волнами. Плотные дымные потоки снежной пыли где-то касались поля и сливались с ним, где-то падали и давили на него, а где-то стремительно задирались вверх пепельными шлейфами, вихрями струй и барашками с трепетными сероватыми завитками сверху, расщепляющимися, распадающимися и переходящими каждую секунду в новые узоры из клубней снежного дыма... Картина черно-белого ужаса, в просветы которого врывались закатные лучи солнца, играющие всеми цветами радуги, золота и серебра в верхних слоях пылевого облака...

Каждый летел в этом яростном потоке, и у каждого возникли две отчаянные, мучительные мысли: одна о том, что это может быть конец, а вторая о том, что кто-то из товарищей уже погиб...

Плотное облако снежной пыли накрыло весь ледник, чтобы постепенно опасть на него саваном ледяной крошки и развеяться на струях долинного ветра...

Удары!

Черная тень катастрофы легла на весь район! Люди еще не понимали, как и почему на них обрушилась целая цепочка трагических событий, не сразу осознали, что и как надо делать, оцепенев от неожиданности и неизвестности. А наиболее сильные и решительные сразу начали оказывать сопротивление внезапному удару стихии... Тревожные нити радиogramм связали усилия спасателей международных альпинистских лагерей «Центральный Тянь-Шань» и «Хан-Тенгри» на ледниках Южный и Северный Иныльчек (МАЛ ЮИ и МАЛ СИ) с перевалочным лагерем альпинистов на пограничной базе Майда-Адыр. Оттуда пошли тревожные сигналы в туристскую контрольно-спасательную службу (КСС) в Пржевальске и альпинистский лагерь Кара-Кол, расположенный на северных склонах хребта Терской-Алатау, относительно недалеко от места событий. А через некоторое время и более дальние города. Но сообщения доходили не сразу, и об аварии группы Лапина у пика Шокальского спасателям еще долго не будет известно. Белое пламя лавинных аварий запылало не только здесь, но и на склонах хребта Сарыджас, на склонах хребта Тенгри-Таг у вершины Шатер, и на хребте Кокшаал-тау под пиком Восточный Победа. Строчки нескольких главных радиogramм кратко поведают об этих событиях.

*Альплагерь «Каракол», Романцову,
Пржевальск, КСС, Халиеву
СРОЧНО! 06.08.91, 22.00*

Группа Бондаренко потерпела аварию на сев склоне пика Вост. Победы выше перевала Чон-Терен¹¹ на 6500 в результате схода снежной лавины 08.08.91, около 19.00. Один участник погиб, один тяжело травмирован. С целью организации помощи, отзываю все группы МАЛ ЮИ с восхождений, и возвращаю в лагерь учебный сбор с ледника Демченко. Может потребоваться дополнительная помощь вертолета и спасснаряжением. Ждите сообщений.

Начальник МАЛ ЮИ Галинский Е.А.

¹¹ Перевал Чон-Терен находится в соединении хребта Актау и пика Восточный Победа – предвершине пика Победы; хребет Актау идет на север от Кокшаалтау параллельно Меридиональному хребту. Ледник Демченко – восточный, прямой исток Южного Иныльчека, более короткий, чем южный, основной исток, лежащий между хребтами Меридиональный и Актау.

МАЛ СИ, Ишимову, СРОЧНО! 07.08.91, 07.00

Штормовое предупреждение! В районе аварийная обстановка с повышенной опасностью! Срочно подготовить к переброске в МАЛ ЮИ группу альпинистов-спасателей из состава инструкторов МАЛ СИ, в связи с аварией групп Бондаренко и Гвеля. О готовности сообщить, ждать указаний и вертолета. Доложить обстановку, прекратить восхождения и вернуть все группы на базу. При плохой слышимости транслировать сообщения через базу Майда-Адыр. Аварийный режим связи первые пять минут каждого часа.

Галинский.

Альплагерь «Каракол», Романцову,

СРОЧНО! 07.08.91. 07.12

Накануне вечером в результате схода сильного камнепада на площадку ночлега потерпела аварию группа Гвеля, на ю-в гребне пика Шатер. Два участника тяжело травмированы, а два другие получили легкие травмы. Прошу выслать группу квалифицированных альпинистов с опытом спасработ для спуска пострадавших с полным комплектом спасснаряжения. Вызывает тревогу положение группы Ельцова выше мраморной стены Хан-Тенгри: группа не вышла на вечернюю и утреннюю связь в 6.00. Проведение спасработ осложнено плохой погодой. Согласуйте свои действия с пограничниками. Прошу лично возглавить промежуточную базу спасработ на Майда-Адыре. Срочная связь: первые пять минут каждого часа. Сообщение Халиеву послано.

Начальник МАЛ ЮИ Галинский Е.А.

МАЛ ЮИ, Галинскому, 07.08.91, 16.00

Первая группа спасателей из 8 человек выехала в Теплоключенку автотранспортом в 15.00. В случае невозможности переброски вертолетом она продолжит путь до Энгильчека – Майда-Адыра на автомобиле. Сам со второй группой из 8 человек выезжаю завтра в 6.00. К исходу дня будем на Майда-Адыре. Пропуск группы с пограничниками согласован.

И.о. начспаса а/л «Каракол» Романцов.

А/л «Каракол», Романцову, 07.08.91, 19.00

Благодарю за оперативность. Вашу группу прошу по прибытии отправить в МАЛ ЮИ ближайшим вертолетом. Сами останьтесь на базе. Последствия аварий мы локализовали, снимаем пострадавших. Группа Ельцова благополучно спускается: они вышли на связь в 9.00, пройдя вершину Хан-Тенгри. Но обстановка прояснилась не полностью: спасработы ведутся в сложных условиях, в районе находится на маршрутах около десятка туристских групп. Вместе с Халиевым проконтролируйте их положение и прохождение по возможно более простым маршрутам. При необходимости задержите проходящие группы в связи со сложной обстановкой.

Галинский.

Пржевальск, КСС, Халиеву

МАЛ ЮИ, Галинскому

Майда-Адыр, Романцову, 07.08.91, 20.00

Срочно! Тургруппа Ныркова из Ленинграда, МК 37/91, потерпела аварию вчера вечером на участке хребта Сарыджас западнее пика Игнатьева при спуске на С. Иныльчек с перевала Одесса. Руководитель группы Нырклов и участник Коваль были сброшены лавиной по крутому кулуару в снежный конус с высоты более 600 м. Их тела не обнаружены. Остальной группе удалось спуститься на плато сев. притока и выслать связку в МАЛ СИ для сообщения о происшествии. Организую поисковые работы силами альпинистов и проходящих туристских групп. Работы осложнены снегопадом и сходом лавин по конусу выноса, который находится на высоте 4300 м, время подхода от МАЛ СИ: 5–6 часов. Прошу срочно сообщить о случившемся в ОМКК¹² и КСС Ленинграда и выслать в МАЛ СИ группу спасателей.

Начальник МАЛ СИ А.В. Ишимов.

¹² ОМКК – областная маршрутно-квалификационная комиссия (для Ленинграда имела ранг республиканской), – орган, ведающий проверкой, регистрацией и выпуском групп в самостоятельные походы (путешествия) и контролирующий работу низовых МКК, имеющих меньшие полномочия.

Майда-Адыр, Романцову, 09.08.91, 21.00

Резервную группу спасателей при первой возможности направить в МАЛ С.И. Ишимову для организации спасработ у пика Игнатьева. Наладить связь и взаимодействие с Халиевым и оказать посильную помощь туристской КСС района. Желательна организация еще одной резервной группы спасателей на базе Майда-Адыр.

Галинский.

*Командиру 28-го пограничного батальона подполковнику Залиеву
Начальнику погранзаставы Майда-Адыр майору Мезенцеву, 07.08.91,
22.00*

В связи со сложной аварийной и погодной обстановкой на участках ущелий Сарыджас, Иныльчек, Каинды и Теректы, приказываю:

1. Оказать помощь представителям альпинистской и туристской КСС Романцову, Халиеву и Галинскому в пропуске и передвижении спасательных групп до и через КПП «Сарыджас» и заставу Майда-Адыр в сторону ледника Иныльчек. В случае необходимости и возможности помочь авто – и авиатранспортом.

2. Проинструктировать старших спасательных групп о режиме и поведении на вверенном участке госграницы. Использовать спасательные группы и полеты для наблюдения за участком госграницы с целью:

- пресечения возможных нарушений;
- поиска и помощи пострадавшим;
- профилактики несчастных случаев с личным составом пограничных подразделений в условиях плохой погоды.

3. Зафиксировать все действия, решения и обстановку в оперативных журналах подразделений. О случаях неконтролируемого и опасного развития событий немедленно сообщать в штаб полка.

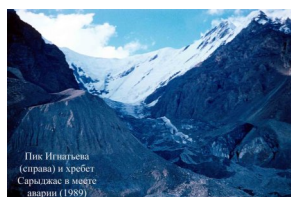
Командир 13-го отдельного пограничного полка полковник А.М. Халитов.

Ленинград, КСС, Силину, 07.08.91, 22.30

Группа Ныркова, МК 34/91 потерпела аварию на спуске с перевала Одесса западнее пика Игнатьева, хребет Сарыджас. Ныров и Коваль сброшены вниз лавиной, их тела не найдены. Просим срочно выслать полномочного представителя КСС для помощи в организации спасработ. Желательно со спасгруппой, поскольку силы альпинистов отвлечены

ликвидацией последствий двух других аварий. Сложная погодная и лавиноопасная обстановка в районе.

Пржевальск, КСС, Халиев.

Пржевальск, КСС, Халиеву, 10.08.91, 11.00

Полпред ленинградской КСС Красовский вылетает к вам через Фрунзе сегодня в 20.20. Группу Егорова, МК 45/91, направляющуюся через вас в поход по Терской-Алатау и Куйлю, задержите и используйте в качестве спасотряда ленинградской КСС. В случае надобности, снимите с маршрута и используйте для спасработ группу Лапина, МК 27/91, которая должна быть в районе МАЛ на Южном Иныльчеке до 13.08, – это ее контрольный срок. Все действия, согласованные с Красовским, будут оплачены ЛОСТ и Э.

Ленинград, КСС, Силин, Рудницкий, Светловский.

Альплагерь «Каракол», Щербицкому, Мансурову, 08.08.91, 15.00

Прошу ускорить выезд группы Мансурова на базу Майда-Адыр. Желательно, с Иваницкой. Мне может понадобится помощь для спасработ и профессиональный врач. Иметь полную личную экипировку и десятидневный запас продуктов.

Романцов.

Интуитивно, повинаясь внутренним опасениям, Романцов и Галинский решили постепенно подготовить резерв – вторую, запасную линию альпинистов-спасателей на случай

неожиданного развития событий. Как оказалось, не напрасно... Но пока об аварии группы Лапина они ничего не знали.

Ледовый склеп

Где я?.. Что со мной?.. Я убит?.. Я ЖИВ!!! ЖИВ!.. О, как давит!.. Я искалечен?.. Придавлен?.. Засыпан?.. Я падал!.. Падал с лавиной!.. Я падал в рандкluft... Меня засыпало!.. И придавило!.. Но почему одна рука свободна? Какая тьма!.. Хотя бы что увидеть!.. Как перетянуло!.. Я спасен!.. Спасен!?!.. Чтобы умирать долго и мучительно! Надо освободиться! Так долго не провисеть! Задушит! Скорее!..

Медленно приходя в себя, пораженный головной болью от удара о скалу, он ощутил, что то ли висит, то ли лежит на каком-то краю в полной темноте. Вся левая сторона тела – голова вместе с рукой и обеими ногами сдавлена плотной массой сверху, снизу и сбоку, впаяна в нее. В то же время правая рука свободно свисает вниз. В нескольких сантиметрах рука ощутила рыхлую поверхность снежного ската, почти отвесного. А справа – пугающую пустоту... Лицо, к счастью, не забило снегом, но неудобно повернутую каску плотно зажал снегом... Слева что-то больно и сильно врезалось в тело, – конечно, это узел спасительной веревки, закрепленный за обвязку. Веревка держала, но насколько надежно?..

Усилия отчаянны... Свободной рукой выскрести снег, продавить его всеми мышцами тела и освободиться, освободиться!.. Он плохо помнил перипетии этой борьбы, доведившей до бессознательного изнеможения, умопомрачения от приложенных усилий... Как сначала удалось освободить и повернуть голову, а потом расшевелить правую ногу. Все на ощупь, и с пониманием, что каждое мгновение можешь сорваться вниз, в темноту, – сорваться и заклинить так, что уже не спасет ничто.

Усилия вырывали то стон, то слова: «...Нет, я жив!.. Нет, не возьмешь!..» И шепотом, и криком, и злобой, и мольбой... Фразы прерывались от изнеможения до потери сознания, а потом все повторялось вновь, и приступ отчаяния сменялся приступом надежды от достигнутых результатов. Приливы сил сменялись приливами бессилия...

Правая нога вооружена стальными кошками... Ими срубил снег с края и под левой ногой и постепенно освободил вторую ногу! Веревка держала! Продолжала держать! На нее можно положиться!..

Еще усилие! Левая рука прижата к туловищу в согнутом состоянии... Всем корпусом!.. Еще!.. Еще!.. Есть!.. Почувствовал, что снег как-то сразу отпустил, и он повис на узле веревки, частично поддержанный снизу выступом снежного ската.

Оказалось, просто зацепиться за петлю веревки самоотраховкой, туда же подстегнуть петлю подвески рюкзака, отстегнуть и сбросить рюкзак на подвеску. Но вот как теперь отстегнуть нижний поясной карабин, на котором он завис? Раскрыть его оказалось несложно: муфта так и была развинчена... Надо хоть чуть приподняться, чтобы освободить поясной карабин из тормоза... Лево́й рукой за карабин!.. Правую углубить в снег и оттолкнуться!.. Правой ногой – упор в висящий рюкзак... Вот так!.. Еще!.. Еще!.. Ы-ы-ы!.. Отцеп!.. Он медленно сполз вниз и повис на самоотраховке, чуть живой от напряжения. Перед глазамиплыли в темноте кровавые круги...

О пронзительное ощущение свободы! Свободен, свободен!!! Не придавлен, не замурован!.. И жив! И все цело! Как ты богат! Пройти такую лавину!.. Но где ты? Теперь можно увидеть. Фонарь в заднем кармане. Осторожно! Еще не хватало его потерять в этой мгле! Размять, согреть руки! И закрепить фонарь на прусике за карабин...

Щелчок! Надежный фонарик-«жучок» посылает во тьму сначала робкий, потом более уверенный пучок света. И увиденное перехватывает дыхание...

Рыхлая поверхность снежного ската уходит вниз практически отвесно, образуя белую неровную стенку, сверкающую кристаллами льда. Вторая, более кривая стенка камеры образована скалой черного базальта, вдающейся в толщу горы. Внизу стенки смыкаются, лишь в самой глубине образуя незаполненный разрыв трещины, зияющий черной пустотой. Под потолком ширина камеры достигает двух метров, с кривым сужением снизу и по краям в одну сторону резко, с продолжением метров на пять. А в другую плавно, метров на пятнадцать... Вниз сужение длины продолжается метров на восемь... Сужение клиньями... Склеп без пола... Неровный потолок образован нависающим козырьком скалы! Вот оно – его спасение! Если не этот нависающий козырек и спусковая веревка, его бы просто засыпало и раздавило снегом. А так его, удерживаемого веревкой в рандклюфте, выдавило снегом под козырек в свободную полость!.. И снег не забил всю камеру!.. А лицо не забило снегом и потому не задохнулся... И правая рука оказалась свободной, и потому смог освободиться!.. И не искалечило при ударе!.. Один шанс из миллиона! А может, из миллиарда! Шанс устоять, сражаясь! Шанс устоять в борьбе!..

В какой-то момент вновь накатил приступ отчаяния... Но уже после маленького отдыха ощущение мрака и ужаса опять влилось потоком жизни. Я жив!.. И шанс есть!.. Уж если ушел от такой лавины!.. Еще поборемся!..

Стоило отвоевать площадку, чтобы сесть и лечь... И чтобы немного подумать, что у тебя есть, и что тебе осталось, сволочь!.. Достать ледоруб, снегоступы! Вырубить нишу! Предельная собранность! Снег сбросить вниз. Но, не забивая дырку! Она – единственное вентиляционное отверстие, или надежда на вентиляцию?!.. Делай, злодей, если жить хочешь, пока дышишь! Сколько же тебе осталось воздуха, пищи и сил, чтобы выжить? А неизвестно! Получай-ка вместо урагана лавины мрачный холод и могильную тишину ледового склепа! Ничто не гарантирует спасения! Не от кого ждать помощи!..

Сидя здесь в обнимку с коленками на краю снежного обрыва, думал думу своей жизни...

Его жизнь

Его жизнь? Сколько же ее осталось?.. Возможно, она кончится здесь, в этом склепе... А кому она была нужна? Только ему и самым-самым близким... И то не всем... Неудачный отец, нелюбимый муж...

Отец – вот боль утраты! Он уже ушел, ушел так рано. Как хотелось бы услышать его голос... Но его голосом можешь только сказать что-то сам себе! И твои глаза – его глаза, и твоя воля – его воля!.. Отец был заслуженный фронтовик, ученый, прекрасный спортсмен и путешественник. Некоторые эти грани Вадим почувствовал, ощутил и понял только когда потерял отца, который принадлежал к героическому поколению с трагической судьбой, к поколению, рожденному сразу после гражданской войны, в начале двадцатых. В сорок первом перед этим поколением встал страшный выбор: смерть или гитлеровское порабощение. И они, тогда еще совсем мальчишки, сделали выбор в пользу смерти, чтобы спасти свой народ от позора и рабства. От некоторых годов рождения тех двадцатых остался в живых один из тридцати, от некоторых – один из двадцати, но большая часть ушла, защитив жизнь и свободу других. Трагична была и судьба их суженых, их невест, – война этим девочкам, девушкам, женщинам поломала судьбы, лишила родных и близких, лишила будущих мужей, многим не дала испытать радость материнства и разделенной любви... А сколько не родилось детей, сколько народа так и не возшло зеленой молодой порослью из-за того, что война выжгла землю... Боль этого поколения жила внутри Вадима болью сына, укором человека, который должен прожить несколько жизней и за себя, и за тех, других, не появившихся на свет...

Вспомнились мягкие руки мамы, крепкие и сильные руки отца, поднимавшие его в детстве к самому потолку, сладкие объятия жены, нежные объятия сына...

Мама!.. Если погибну, она не переживет!.. Только ради нее надо сделать все, чтобы спастись!.. Мама!.. Не надо плача, – сыновний долг всегда не оплачен!..

Сын!.. Он еще так мал и слаб!.. Он еще так мало понимает, его еще всему надо научить! Ему всего три года, а его уже оторвали, увели...

Жена! Бывшая... Она одна решила за всех троих. Они поженились по любви, и все у них сначала складывалось хорошо. Но постепенно возник какой-то внутренний разлад, сначала еле заметный, духовный. И мало-помалу она удалилась в свой, совсем иной мир. Мир йоги, чистой духовной веры, мир абсолютных истин бытия, постижения будущего и единения с аурой, космической энергией. Мир белой сари и отрешенности, строгих ограничений не только в поведении, но и в помыслах. Она обрела свою среду в людях, в книгах, в мечтах. В строгостях мысли, пищи, поступков. Не сразу, постепенно их взаимное понимание, привязанность и общие заботы отслоились, и они стали чужими людьми... Он, правда, не стал равнодушным, но она стала. Его дела и устремления ее не интересовали... В какой-то момент они почувствовали, что вместе им нельзя! Просто стало неважно. Она ушла и забрала сына, разлука с которым переживалась тяжело. Но еще тяжелее мысли о том, как он будет воспитан. Неужели человек должен существовать для того, чтобы всю жизнь готовить себя к смерти? Чтобы всю жизнь строить молитвами гробницу бытия в совсем ином, совершенно неведомом и, видимо, несуществующем мире? А может быть, в чем-то ты не прав? Может, ты сам мало сделал, чтобы ее, свою женщину, удержать у себя духовно, удержать не только телом и заботами о семье и зарплате? Может, ты и жил так, чтобы конец твой был таким, вот в этом мертвом склепе? Вот ты здесь, почти уже погибший, и считаешь себя правым!?

Вспомнился яркий момент прошлой жизни, – тот самый вечер с будущей женой и будущей тещей. Тогда задержался у них за полночь за долгим разговором с Екатериной Васильев-

ной. Она все расспрашивала его о семье, об отце и о маме, а Лена уже ушла спать, сославшись на усталость. Постепенно разговор «раскачался», оживился, и Вадим почувствовал какой-то глубокий подтекст, внутреннее размышление в словах Екатерины Васильевны. Он понял, что она хочет что-то предпринять, либо сообщить ему что-то важное. Внезапно она решила, резко повернув тему разговора:

– Ты, Дима, Лену любишь?

– ...Да... Да!

– Тогда вот что... Пойдем. Екатерина Васильевна решительно встала и открыла дверь в комнату Лены. Врезался в память страстный полупшепот:

– Мама, ты привела его... Спасибо, мама!..

– Встань, – тихо и резко Екатерина Васильевна приказала дочери.

Та откинула одеяло и медленно поднялась в полумраке комнаты, освещенной только отблесками ночного окна. Запомнился полет рук, оправлявший пряди волос, рассыпавшихся на плечах и по кружеву тонкой ночной рубашки.

– Что, хороша? Бери ее, она твоя. Берегите друг друга! Любите друг друга, дети! Счастья вам...

Она вышла из комнаты и плотно закрыла дверь. Вадим понимал чувства будущей тещи: она не желала дочери своей судьбы, судьбы матери, в одиночку поднимавшей ребенка. Чувствовал, и сознавал глубокую ответственность за судьбу Лены...

Ребята!.. Что с ними?!.. Возможно, кто-то из них уже погиб, а кто-то искалечен и умирает наверху... И кому-то помощь нужна больше, чем тебе! Можно ли рассчитывать на их помощь, как на подарок с небес... Нельзя! Это гибель! Рассчитывай только на себя! Их участь может быть еще тяжелее! Твоя же вера – святая вера. **В СВОИ СИЛЫ!** В свои, а не небесные! Так за что взялся, за то и держись!

Ребята!.. Неистовый Ак – Лешка Акулинин, верный друг... Лучезарная и таинственная Женя... Саша и Наташа, очаровательные молодые супруги, «ребята-душечки», еще совсем дети... Проверенные походами вдумчивый Сергей и малыш Коля, совсем еще мальчик. Один у одинокой мамы... Поэтический крепыш Миша...

Что же сделал в этой жизни? Окончил школу, институт, проработал 15 лет... Сделал новый двигатель! Лучше известных, лучше газовой турбины! Это ясно! Объединил в нем системы смазки и охлаждения, уменьшил число деталей в два раза, заменил систему шатунов и систему клапанов вращающимися валами... Сжал габариты, размеры и вес, сделал работающий образец, увидел и захватывающие перспективы продолжения работы! Жизнь улыбалась ему техническим творчеством и в работе, и в увлечении горами, и в новых конструкциях снаряжения! Сделал 20 статей и 16 изобретений!.. Но что толку? Во всех инстанциях встречал только равнодушие и нежелание что-то менять или внедрять... На него высокомерно смотрели как на человека «не от мира сего», как на назойливую муху и как на разрушителя сытого и спокойного существования... А то и как на хапугу, желающего урвать деньги, престиж, награды и, самое опасное – занимаемый «трон», креслице в кабинете... И кто он такой? Ни кандидат, ни доктор... Дурачок, вместо диссертации написавший книгу, которую никто не хочет издавать...

Нет! Усилия не пропадут даром! Есть вера в это, иначе что ты за человек, что за мужчина без этих усилий! Но при жизни ли?.. Вздрыгнул: смерть рядом и может быть скоро! Она подбирается холодом, она давит тисками скалы и снега, она подтачивает сознание падающими каплями отчаяния...

Еще жизнь улыбалась походами – прорывами на широкий простор, на высокое небо вершин и перевалов, в мир чистых людей, звонких песен, вольного ветра. Этот мир пошел горным склоном все круче и круче вверх, и это было по его характеру: вот так, силой тела,

движением мысли и страсти быстрее, выше, сильнее!.. И вдруг все сорвалось вниз молохом лавины!

Сражаться!.. Это только поначалу трудно, потом любой процесс налаживается и идет легче, быстрее! Только вложить в него ум головы, умение рук и любовь сердца! Пламя сердца!.. Первое: сесть и думать! Это – первый шаг, с которого пойдет остальное! Пойдет или к спасению, или к гибели. Не додумаешь – не выберешься! И все делать быстро: часы спасения сочтены.

Вначале осмыслить!.. Веревка идет под нависающий выступ скалы... Пробиваться надо вдоль веревки, – она как нить Ариадны выведет наверх и будет опорой при движении. Веревка и решимость в активе! Снег рубить ледорубом и сбрасывать вниз?.. Но рубить снизу очень трудно... Нужна лопата... В качестве лопаты надо приспособить один из снегоступов. Продену в дырки для ремней куски репшура, – и ручки готовы. Обмотаю их тряпкой, чтобы не резали... Эх, тяжелая будет работенка! В темноте, в вися на веревке... Обязательно сделать дополнительную страховку: веревку могло оборвать и зажать снегом, при освобождении она может не удержать. Сколько же метров снега сверху? Видимо, основной поток лавины ушел на ледник, а сбоку от скалы прошла боковая струя. Она засыпала рандклюфт, но не полностью. Насколько? На три, четыре, пять метров?.. А может, все десять?.. Тогда не выбраться!?! Нет, сколько бы не было, а надо вырваться!..

Веревка с верха скалы до низа с этой стороны, видимо, имела некоторую слабинку... И могла еще вытянуться под грузом на несколько метров. Нижний конец ее здесь. Но насколько он под слоем снега?.. Если веревку не оборвало, есть шанс, что ее обнаружат наверху и попытаются его откопать... Если они еще способны на это... Слабая надежда!..

Не бояться работы! Главное известно: работа, если ее выполнять с умом, настроением и желанием, с любовью и осознанием цели, только вначале идет тяжело и медленно. Потом она сама УЧИТ, как ее делать быстрее, производительнее, интереснее... И все начинает получаться легче и споро, если уметь наладить процесс работы и процесс совершенствования работы. Наладить технические приемы и приспособления, овладеть навыками, себя приспособить к работе. Полюбить ее, милую, как невесту! Тогда она станет верной подругой!.. Не хныкать от боли и напряжения! Здесь не надо специальных тренировок: работа сама по себе является тренировкой и очень многим вещам обучает в ходе их выполнения. Только постоянно размышлять, что мешает, как можно сделать лучше и быстрее, что и как сделать удобнее!.. Разматывать, раскручивать процесс!.. Не поддаваться давлению ситуации, а давить на нее самому, поворачивать ее в нужном направлении. Она повернется, и пойдет, как любящая девочка...

Фонарик зажужжал, осветив циферблат часов. Час пятьдесят пять! С момента схода лавины прошло семь часов... Уже кое-что есть! Он жив и готов сражаться! Он уже освободился от дикого вися и сдавливания снегом и сделал нишу, в которой можно сесть и привалиться! Уже немного согрелся работой и пуховкой!.. Кое-что!.. Пока немного!..

В первый после освобождения натиск вложил невообразимое бешенство. Рубил снег импровизированной лопатой-снегоступом и коротким ледорубом, резал его снежной пилой-ножовкой и топтал, уплотняя ногами, обутыми в массивные ботинки «вибрам» с альпинистскими кошками. И снег медленно, но подавался! Отрубленные комки и мелочь сгребал и сбрасывал вниз, в расщелину, но так, чтобы не перекрывать спасительную воздушную дыру.

Только после углубления ниши еще на полтора метра, частичной вырубке снега перед собой, а частью продавливанием его с уплотнением вниз и после прорыва наверху щели еще на полметра, рука, наконец, ощутила то желанное, чего так добивался. Потолок скалы кончился, и веревка дальше шла уже не наклонно, а вверх... Вверх! Это уже был шаг! Скала вдруг перестала так давить сверху, и жуткое ощущение замкнутого пространства частично отступило, оно стало не таким острым! Главное – утвердилась мысль: «Преодолимо!..» И

понял, что еще один этап пройден. Пройден! Какой этап? Первый? Нет, был этап освобождения от сдавливания. Второй? Нет, был этап побега в трещину. Третий? Нет, был этап решения в ту трагическую минуту падения лавины... Сколько их было? И сколько еще будет!.. И все, все надо пройти до конца!..

Усталость навалилась вдруг, «камнем», с резким упадком сил. Надо отдохнуть!.. Часы показали, что с момента падения лавины прошло 10 часов. Да, лавина сошла около семи вечера, а за 2–3 минуты до нее было 18.42. 10 часов, самых жутких и страшных! А может быть, самое страшное еще впереди?.. Надо отдохнуть, иначе сил не хватит...

Но места, чтобы лечь, еще так мало, как и всего другого. Значит, надо еще углубить нишу до двух метров и немного в ширину... И еще чуть вбок, чтобы можно было туда, на приступку, убрать рюкзак, пока висящий внизу на веревке и мешающий сбрасывать снег...

Возня заняла около часа. Нишу срезал до края верхнего выступа скалы и даже немного вглубь, так что можно, наконец, улечься на коврик. Ботинки и «кошки» надо снять, чтобы дать отдых измученным ногам. Страшно хотелось пить и немного воды удалось натопить из снега во фляжке, сунутой в карман. Растопить таблетку сухого спирта не решился: слишком мало воздуха для дыхания, можно отравиться парами уротропина и синильной кислоты...

Обед состоял из части перекуса сухого пайка одного из продуктовых мешочков: немного твердой колбасы, пары сухарей, халвы, сухофруктов... В режиме жесткой экономии!

Тяжелый и тупой сон навалился сразу: сказала страшная усталость от тридцати часов работы. Во сне приходили какие-то черные тени без лиц, без голосов, а то и без голов... Скорее блики света на черном, чем черное на светлом. Казалось, что погружаешься в царство смерти, в мрачный тартар Аида... Но постепенно измученное тело начало отдыхать и давать душе новые силы надежды. Дух успокоился, уgomонился, черные тени отступили, а блики света погасли. Душа и тело мирно обнялись как счастливые влюбленные, тихо отдались черноте ночи и, отдыхая, затихли. Этот отдых, такой тяжелый вначале, постепенно разошелся, разбежался в мощном, тренированном теле спортсмена до разбега шаловливого мальчугана, а потом взлетел ввысь птицей...

Предыстория одного похода

Район этот манил и завораживал самых сильных и отважных! Звал своей сложностью и труднодоступностью, таинственными загадками новых маршрутов. Очаровывал легендарными вершинами, – Хан-Тенгри («Повелитель Неба») и пик Победы, огромными мраморными стенами, ледниками-колоссами с гирляндами ледопадов, лазурью загадочно исчезающих озер и каким-то необычным, чарующим светом, который возникает иногда в часы восхода и заката, пламенея то кровью, то золотом на вершинах гор. Здесь – огромный простор и гор, и неба, призывно влекущий, но небезопасный. Горы «зализаны» струями снежных лавин. Сюда можно идти только с опытом на самых высоких маршрутах Памира, – здесь сложнее и опаснее... Здесь выше по широте, потому и горы реально выше... Сюда поднимаются много лет по ступеням Кавказа, гор Памиро-Алая, Памира и других, менее высоких районов Тянь-Шаня (или Алатоо, или Алатау).

Этот район был «голубой мечтой» и для героев нашего повествования. Вадим Воронин давно мечтал провести поход группы горных туристов и для этого совершил здесь сложный поход в качестве участника летом предыдущего года, понял и прочувствовал специфику, особенности этого уголка Центрального Тянь-Шаня.

Но волей обстоятельств он не сумел собрать полный состав своей группы, от которой осталась лишь половина, включавшая Алексея Акулинина, Женю Берлину и Михаила Неделина. Правила запрещали идти вчетвером в поход выше второй категории сложности, поэтому требовалось найти еще не менее двух, а лучше, – трех-четырех опытных участников для того, чтобы поход все-таки состоялся. Примешалось и еще одно затруднение, – незадолго до похода и Вадим, и его главный помощник Акулинин уезжали в длительные служебные командировки и не смогли непосредственно руководить подготовкой группы перед самым отъездом.

После тщательных поисков и консультаций в ленинградском Клубе туристов обнаружили еще одну неполную, но достаточно опытную группу, – группу Сергея Лапина, которая искала участников для похода по соседнему району хребта Терской-Алатау. Ее участники и руководитель сразу загорелись идеей совершить поход в район ледника Иныльчек, объединив усилия с очень мощной четверкой Вадима Воронина. Учитывая свою занятость, Вадим уступил руководство Сергею Лапину. Это было сделано и для того, чтобы дать тому возможность выполнить норматив мастера спорта, пройти еще одну ступеньку мастерства...

Сергей и Вадим предварительно согласовали и подготовили маршрут. Первоначальные наброски Лапина Вадим решительно подправил с учетом реальных возможностей группы. Он обнаружил обычную для такой планировки ошибку: маршрут самого начала закладывался слишком «круто» технически, по высоте и по графику движения, и группа реально не смогла бы выдержать этот график. Вадим убедил Сергея, что надо увеличить акклиматизационную «затяжку» группы перед выходом на проблемные перевалы. И все-таки у Вадима осталось ощущение определенной тактической недоработки, сомнение в правильности выбранного варианта. Все равно начало получалось достаточно «резким»: перевал Путеводный на «2Б»,¹³ потом перевал Шокальского на «3А» и новый перевал примерно на «3А». Первопро-

¹³ **Трудность** перевалов оценивается по трехбалльной шкале, причем каждая категория имеет подкатегории «А» и «Б». **Сложность** похода определяется техническим набором перевалов различной трудности, а также другими параметрами: дальностью, длительностью, определенными требованиями к маршруту. Например, для похода I категории сложности требуется преодоление не менее двух перевалов «1а» категории трудности, а для похода высшей, шестой категории сложности, требуется преодолеть не менее шести технических перевалов, среди которых есть и «3Б». Первопрохождение является фактором, обычно увеличивающим реальную техническую трудность перевала. Из текста ясно, что поход группы Лапина планировался как усложненная горная «пятерка» с двумя первопрохождениями на «3А»...

хождение... Вадим сознавал, что первопрохождение будет заметно труднее известных путей и реально может «потянуть» на «хорошую ЗБ». Таково было начало этого похода: движение с севера вдоль хребта Иныльчек-Тау и нижней части ледника Иныльчек с преодолением хребта и выходом в верховья ледника Каинды.

Затем группа должна была пересечь ледник Каинды и хребет Каинды-Катта на ледник Куюкап через перевал Мощный и через перевал Куюкап и ледник Комсомолец выйти на Южный Иныльчек, к своей продуктовой заброске в международном альпинистском лагере «Центральный Тянь-Шань». Здесь он кратко именуется МАЛ ЮИ, как лагерь на Южном Иныльчеке. Заброску эту выполнили с заставы Майда-Адыр вертолетом, расплатившись канистрой медицинского спирта, – подобная «валюта» здесь ценилась выше денег. МАЛ ЮИ имел филиал и на леднике Северный Иныльчек, – лагерь «Хан-Тенгри», который герои нашего повествования именуют МАЛ СИ. К этому лагерю и второй заброске группа должна была выйти после преодоления хребта Тенгри-Таг в его нижней части, – либо через перевал Броненосец, либо гребневым первопроходом нового перевала у пика Петровского. Заключительный выход с Северного Иныльчека в долину реки Баянкол планировался через перевалы Опасный и Баянкольский, с запасными вариантами...

Сборная группа тщательно подготовилась на совместных тренировках, заявила и защитила маршрут, прошла техническую проверку на скальном рельефе, получила «добро» МКК и КСС, получила подписи и печати в маршрутных документах, регистрационный номер и контрольные сроки... По прибытии в КСС сроки прохождения контрольных точек маршрута, – МАЛ ЮИ, МАЛ СИ и срок окончания похода попали под контроль КСС и в Ленинграде, и в местной областной КСС Пржевальска, где группа также зарегистрировалась по пути в район похода...

Все начиналось очень хорошо и точно по графику... Но на самой концовке прохождения первого нового перевала авария произошла... Группе не хватило каких-то десяти-пятнадцати минут для благополучного завершения спуска и выхода из опасной зоны...

Истинные причины аварии еще не были осмыслены и поняты. Надо сказать, что группы с малым опытом походов попадают в аварии, совершая грубые технические и тактические ошибки, которые хорошо видны туристам высокой квалификации. Аварии же опытных групп обычно значительно сложнее по своей природе, – они складываются из целого комплекса, казалось бы, незначительных промахов, недоработок, случайных и неблагоприятных обстоятельств объективного, природного характера. И вскрыть эти причины в комплексе удастся далеко не все, не всегда, не всем... Для этого требуется обстоятельный сбор и систематизация фактов, продумывание и построение всей ситуации с фазы, предшествовавшей аварии, критической, аварийных фаз и их переходов. Случается, на такой сбор фактов и анализ уходят годы, и полностью сложить, представить весь ход событий удастся только

через несколько лет на основе аналогий с многочисленными похожими происшествиями, как окончившихся авариями, так и вовремя остановленными в критической фазе развития...

Контрольный срок завершения первой части похода с необходимым резервом времени на возможные задержки был установлен 13 августа 1991 года... Если группа не выйдет в этот срок к МАЛ ЮИ, то должны быть организованы ее поиски и спасение совместными силами местной КСС и республиканской КСС Ленинграда...

Рандклюфт

К готовности «один»! Встать! Еще не вечер! 9 часов сна! Так, теперь будет труднее: к темноте добавится вертикаль подъема! Сначала на метр углубить нишу. Это отлажено. Затем вверх, вперед и вверх, а там... Ведь это наши горы!.. Пожевать – чуть-чуть. Боже, как хочется пить! Но как опасно сосать снег! Ангина – и все летит вниз до пневмонии и отека легких! Это конец! Ладно, как-нибудь протяну на минимуме возможного. Потери воды при такой «жаре» и влажности, как здесь, не слишком велики.

А как же я теперь пойду вверх? Одна точка опоры на веревке есть, но где достать еще? Да! Второй снегоступ! Его можно забить в стенку канала и встать ногой, выбив углубление. Идет! Срезаю снизу вверх и вглубь на метр... А дальше? Дальше до потолка будет уже трудно дотянуться... Надо сразу же сделать снежную ступеньку или, лучше, ступени, чтобы подняться вверх и прокопать от выступа еще на полметра... Хотя бы на полметра... Эх, все на ощупь, с кое-какой подсветкой «жучком». Ничего, приноровишься, коль хочешь до света белого подняться... Выкопаешь норку! Кошки на месте? В атаку, пятый полк!¹⁴

Скоро горизонтальный ход-лаз был завершен с окончательным скатом, ступеньками и полуметровым подъемом вверх вдоль скалы. Дальнейшая работа осложнилась тем, что ее предстояло выполнять в висе на веревке, стоя на вбитом в стенку снегоступе с упором в боковые стенки, причем продвигаясь теперь не вперед, а вверх. Прорубать потолок в неудобной позе и в очень ограниченном пространстве... Первые полметра потолка, дались особенно тяжело. Снег оказался очень жестким и твердым. Работать можно было только на длину вытянутой руки, но потом удлинил ее снегоступом захватом снизу. Снегоступом и ножовкой вырезал края вертикального лаза, а затем наклонными срезами снег отсекал призмами. На потолке оставалась высечка в виде опрокинутой пирамиды или усеченного обелиска, которую срубить оказалось труднее, чем края. После нескольких часов не очень производительного труда понял, что срубить надо не по четырем краям, а глубже, и только с одного края. А начальный подрез производить не по четырем, а только по трем сторонам. Подсечение «большой» призмы начиналось с этой, четвертой, стороны. В результате получалась клинообразная высечка вверх: от одной короткой стороны лаза до другой. Размеры призмы ограничивались глубиной просечки снегоступом. Подсечка продолжалась дальше выемкой очередного клина-призмы...

Вначале все шло неудобно, непроизводительно. Каждый сантиметр продвижения давался с невероятным трудом. Но потом приноровился стоять, висеть, опираться и поворачиваться. По ходу работы отточил движения, испробовал и отобрал варианты работой одной и двумя руками, поочередного включения рук для отдыха, убыстряющие приемы подсечки пилой-ножовкой...

За первый проход вверх особенно вымотался и спустился вниз для отдыха и сна в тупом отчаянии изнеможения. Казалось, физических и нервных сил уже не осталось. В полусонном бдении вдруг вспомнился тот вечер. Вечер из другой, теперь совсем далекой городской жизни, на дружеской вечеринке за столом, с красивыми женщинами в вечерних нарядах, с вином и фруктами. Незадолго до похода.

В тот вечер он украдкой любовался ею. Такой бывает игра мужского подсознания: оно из всех присутствующих женщин выбирает одну и начинает любоваться, следить за ее движениями, за реакцией на реплики и шутки, за темами ее разговоров. В общем, за всем... И состояние такое, что все в ней кажется красивым и совершенным. Краса и очарование!

¹⁴ Крылатый призыв солдат-республиканцев во время гражданской войны в Испании (пятый полк прославился победами над франкистами). Эти события нам известны от отцов...

Показалось, что тогда она, Женя Берлина, вела себя несколько странно, не совсем адекватно. Ею владела эйфория, удаль, дерзкая смелость. Она искрометно царила на вечере, и все старались подыграть ее зажигающему веселью. Подыгрывал и он. Мимоходом, в шутку, она бросила фразу: «Ну, с тобой мы смогли бы обо всем договориться...» И осеклась, почувствовав неосторожность сказанных слов, зажав рот и едва сдерживаясь от смеха, добавила: «... Не обращай внимания... Это от Амаретто!..» На что он тут же нашелся: «Женя, если дело только в Амаретто, то Амаретто будет!..» А примерно через час случилось ЭТО. То, что он запомнил, из-за чего все врезалось в память, но чего он так и не понял. Вечер из веселой фазы перешел в задумчиво-лирическую, в полумраке, с чаем, тихими размышлениями, песнями, проникновенными взглядами из глубины глаз, медленными танцами.

«... О, моя дорогая, моя несравненная ЛЕДИ...»

Наташа Рудницкая попросила его: «Вадим, принеси, пожалуйста, чайник». Он вышел на кухню и... как пламя в лицо!.. Женя стояла, поставив ножку на приступку стула. Край ее черного, недлинного платья был загнут вверх вместе с белоснежным кружевом нижней юбки. Изогнутая ножка, плотно затянутая в темный чулок, была прекрасна от кончика туфельки до верхнего расширения бедра, уходящего в таинственную глубину платья. Очень нарядный лиловый пояс с подвязками прикрывал верхнюю часть бедра, а задняя, тоже видимая прямая ножка подчеркивала и стройность фигуры, и прелесть своей изогнутой пары...

Вадим был и ослеплен видом и крайне смущен своим неосторожным вторжением, так что на какие-то мгновения лишился дара речи, даже остолбенел. Она же не слишком смутилась, не торопясь, гордо застегнула подвязку и плавно опустила ножку. Тень легкой усмешки осветила ее лицо:

– Пойдем, потанцуем, Дима! Или ты что-то здесь потерял? – сказала она насмешливо и вызывающе, видя его смущение. В следующий момент он уже собрался и нашел, что выдохнуть, едва слышно, но не менее дерзко:

– Нет, я здесь уже очень многое отыскал. Пойдем, Женечка.

И уже в тихом танце чуть слышно шепнул ей на ухо:

– Ты прелесть! Она не ответила, но, как ему показалось, внутренне напряглась, по влажным ресницам пробежала дрожь. Тогда он ощутил внутреннее непонимание чего-то важного. Он уже вспоминал об этом случае, чувствуя подсознанием, что тогда случилось что-то совсем необычное. Или, точнее, могло случиться! Но что?.. Осталось ощущение большой недосказанности, большой загадки, таящейся в глубинах этих женских глаз, этой женской души. Вадим не принадлежал к числу людей, которые могут полезть в чужую душу, – здесь он проявлял крайнюю осторожность и деликатность. Осталась загадка, и Женя в тот вечер ушла в ореоле тайны. Он проводил ее до дома, в дороге она настороженно молчала и почему-то отводила глаза. Ее веселость прошла, и они задумчиво промолчали весь путь до дома Жени. При прощании в нем возникло желание поцеловать ее если не в губы, то сбоку, но он не решился и поцеловал только руку, как часто делают мужчины с женщинами, которые им приятны. Она умчалась по лестнице, как будто чего-то опасаясь...

Боже, как далеко теперь вся эта жизнь! Совсем другой мир!..

Снег лежал плотно и на первый метр продвижения ушло более 12 часов работы. Медленный обвал каждой призмы и удаление снега в нижний отвал являлись праздником... На этих перерывах он отдыхал, сложив график чередования трудной работы с более простой, периодов передышек и более длительного отдыха...

Снег плотный, спрессованный ударом! А хорошо это или нет? Хорошо! Хотя и трудно в нем продвигаться, но он не осыпается, держит форму! В рыхлом снегу он бы уже погиб.

Веревка шла вдоль скалы на расстоянии нескольких сантиметров. Пока она представляла надежную опору, но как же выше? Опасность срыва увеличивалась по мере подъема, продвижения вверх. Надо продумать систему дополнительной страховки. Здесь можно будет

использовать как свободный конец веревки, так и короткую расходную веревку, лежащую до времени в рюкзаке... Но как их закрепить в снегу? Ледоруб и снегоступы в деле, они заняты... А что если обвязать мешок тряпья расходной веревкой и затолкать его в боковую снежную нишу с проделанным внизу отверстием-каналом для веревки? Вырвать такой мешок из плотного снега не так-то просто... Тут понадобится очень значительное усилие. А для уменьшения рывка, его амортизации, веревку можно заплести в косичку Саратовкина,¹⁵ конечно, безо всяких там киперных лент. Косичка менее жесткая, через нее рывок будет не таким резким... Пойдет! Буду заплетать ее по мере удлинения нижнего конца веревки, укорачивая его...

Сколько же там, надо мной? Два, пять, десять метров снега? А может, все тридцать!.. Ну, нет, скалу не могло всю засыпать... А может, лучше прокапывать вбок?.. Черт его знает!.. Нет, буду «ломить» вдоль своей нити Ариадны. Она – точка опоры, она выведет! И без разницы, сколько там еще, пять или десять метров, надо копать, пока есть силы! А если скалу засыпало всю, на все пятьдесят? Об этом лучше не думать. Но сколько же всего там метров? Пока два пройдено. За двадцать часов работы! Негусто! Чуть больше, чем на рост. Но – лиха беда начало, только бы мышца не подкачала, как говорил Мишка!.. Было бы здоровье, остальное возьмем, как говорят десантники...

Очередной отдых... Он необходим тогда, когда работа становилась непроизводительной от усталости. Отдых и питание... Никакого жира, никакого пира! Очистить одежду от снежной крошки, утеплиться пуховкой и спальником. Спокойно поспать хоть немножко... Снять отупение от усталости...

Вертикальный канал в плане имел форму прямоугольника шириной в метра и несколько меньшей толщины. При таких габаритах в нем хотя и с большим трудом, но можно пробиваться, сгибая и разгибая руки... Каждые несколько срезающих ударов снегоступом вверх или вбок быстро вызвали изнеможение, требовавшее передышки. Сидя в обвязке,¹⁶ висевшей на зажиме – «жумаре» и бессильно опустив руки, он зависал на веревке, отдыхая так после каждых двух-трех минут работы. Осыпавшийся снег не таял. Тем не менее, штормовка не просыхала. На длинных передышках внизу, после 30–40 минут работы, собирал в кружку и миску немного снега и старался согреть их своим дыханием. От этого на дне появлялось немного воды, и можно было чуть-чуть утолить звериную жажду. На время сна ставил над собой миску так, чтобы дыхание ее согрело. Воду по каплям удавалось собрать и из подвешенного полиэтиленового мешка, угол которого свисал в миску. За три-четыре часа накапывало до ста граммов драгоценной влаги... Полстакана...

В этот новый, очередной, шестой заход что-то произошло. Внутренне ощутил какой-то качественный скачок! 3 часа работы, и метр продвижения! Канал вырос до трех с половиной метров, а может, и до четырех! Может, снег стал более податливым? С одной стороны хорошо, а с другой?... Что будет выше? Не начнет ли снег осыпаться в его лаз воронкой и не похоронит ли в один момент все плоды труда?.. Новые проблемы.

Следующий метр пройден за два с половиной часа! И опускаясь вниз после окончания работы, чтобы поспать, он вдруг увидел наверху то, о чем так мечтал: потолок светился очень слабо. Слабо-слабо, едва заметно, но светился! Еле видимый свет проникал через оставшуюся толщу снега! Сколько же ее? Один, два метра? Ясно, что не десять!

¹⁵ Известный альпинистам разрывной амортизатор Саратовкина используется для защиты веревки и цепи страховки от очень мощных рывков при падении человека с большой высоты.

¹⁶ Обвязка, система обвязки, или просто «система» служит для охвата туловища и закрепления на веревке или на рельефе с помощью искусственных точек опоры. Обвязка выполнена из широкой прочной тесьмы и состоит из грудной обвязки и беседки, охватывающей пояс и бедра. Грудная обвязка и беседка должны быть соединены так, чтобы нагрузка между ними распределялась примерно как 1:2. На обвязке закрепляются петли самостраховки, карабины и тормоз для спуска по веревке. К веревке обвязка может крепиться на перемещаемом зажиме («жумар» – зажим с рукояткой) для облегчения подъема.

Чтобы понять сколько, решил после отдыха проколоть оставшийся слой снега лыжной палкой, как зондом. А может, это ошибка? Может, слабое пятно света – лишь нечто желаемое, но не действительное. Плод воображения, боли души, усталого тела, усталых от темноты глаз?..

После отдыха при подъеме вверх света не увидел! Да, то было лишь видение, галлюцинация. Внутри, казалось, все заболело! «Хотел так просто? Нет, не получится!.. Не получится!..»

«Успокойся! Успокойся!», – сказал другой голос: «Что есть, то есть! Работай!». Работу продолжил, воткнув палку в стенку... И тут как луч света блеснула мысль, заставившая схватить фонарь и взглянуть на часы. На них было 1.47!.. Света не могло быть! Наверху была ночь! Ночь!

Надо все же попробовать!

Конец палки-зонда не нашел пустоты, когда вошел в потолок на всю длину... Но, углубив ее еще дальше, насколько еще позволяла длина утопленной в снег руки, он явственно ощутил наконечником желанную пустоту!!!!. Оставалось чуть более полутора метров! 4–5 часов работы!.. Копать!.. Не расслабляться! Еще «не вечер», но уже ночь! Она отступит! Рассвет да ляжет светом!..

В 5.30 опять увидел свет потолка. Свет уверенный и постепенно усиливающийся. Более зримый, чем тогда! Цель близка! Но близок и новый, быть может, совершенно не ожи-

данный переход... Не обвалится ли все сверху, не придавит ли его еще раз, но уже более капитально... Нет опасений только за монолит скалы, – эта базальтовая глыба не подведет.

На очередном отдыхе все приготовил для подъема вверх: рюкзак, компактно уложенный в вытянутую форму и прикрепленный к концу веревки, систему дополнительной страховки от падения вниз. Чтобы рюкзак не заклинило и не засыпало случайно на большой глубине, подготовил для него боковую нишу в верхней части лаза. Поставив его там, можно уже без опаски сбрасывать снег вниз. Отбрасывать его в отвал, он надеялся, уже не придется...

Есть!!!.. Есть!!!.. В пробитую снегоступом дыру брызнул слепящий, ранищий поток света, поток пьянящий, чарующий... Режущий глаза даже через плотные стекла черных очков-«консервов». От света и чистого морозного воздуха голова пошла кругом! Как легко на воле после мрака удушливой трещины!

Но не рано ли торжествовать? Еще надо выбраться! И чем встретит мать сыра земля? Леденящим ветром? Пургой? Застывшими телами погибших товарищей? Тревоги ледяного склепа сменялись новыми...

Выход осложнен тем, что спасительная веревка уходила не прямо вверх, а еще и в сторону... Но пока она держит крепко, хотя и тянется под нагрузкой. Свет ослепил ненадолго. Вылез, напрягая силы, вытащил за собой рюкзак и тючок тряпья, служивший фиксатором дополнительной страховки на нижнем конце веревки. Уже ничто не могло заставить вернуться в мрачный ледовый рандкluft, о котором думалось с содроганием. Но появилось и другое чувство. Эта трещина спасла от лавины, приютила и стала тем небольшим мирком, который уже навсегда сохранится в памяти жизни. Да, мирком страшным, холодным и тесным, неудобным и жутким, но... Ставшим обитаемым и удобным силой его рук и его разума. Они сроднились, стали ближе... Надо хоть снять сверху лаз и место на прощальное фото...

А много ли гостеприимнее тот новый мир, в который теперь вышел. Что ждет в нем? Несколько раз крикнул, но ответа не последовало. Веревка заледенела, обросла сосульками, покрылась внизу снегом, а сверху, в расщелине скал ее вовсе не видно. Ее надо снять, во что бы то ни стало! Как ни труден и неприятен подъем по скале вверх, к точке закрепления, усилия стоили веревки! Велика цена веревки в горах!..

На скалу удалось взобраться. Удар лавины ее сильно разрушил, но крюк и удерживающая его трещина уцелели, прикрытые мощным выступом базальта. Отодрать веревку стоило немалого труда. Как же она хорошо выполнила свою задачу, и как может еще пригодиться! В два приема Вадим спустился со скалы по двойной веревке и продернул ее через петлю промежуточного крюка. После этого быстро покинул лавиноопасный склон, – чтобы вздохнуть еще свободнее, уже без ощущения нависшей сверху опасности. Вырвался! А дальше?

Видно: под склоном и на плато никого нет. Горы стоят в тихом мареве облаков и тумана. Ветер стих. Нет никаких голосов. В воздухе кружатся редкие снежинки... Белое безмолвие! Склон просматривается на полкилометра, а дальше туман, туман...

Ниже, на леднике, не обнаруживалось никаких следов ног или стоянки, а вынос лавины рельефно выделялся только выпуклостью, покрытый более чем полуметровым слоем свежего снега.

Достав свой металлический свисток, Вадим вновь и вновь посылал резкие свистки и вслушивался в тишину, но ничто в ответ не нарушало холода белого безмолвия гор.

Отойдя на полкилометра и оставив рюкзак, широкой дугой обошел поле выноса, ища хоть какие-то следы ног или места установки палатки, намечая путь дальнейших поисков. Пытался воссоздать по памяти положение группы и отдельных участников в момент падения лавины. Поле пересек несколько раз по линиям наиболее вероятного нахождения засыпанных с зондированием лыжной палкой. По солидным размерам выноса было ясно, что ребята могли не успеть... Понятна и очевидная призрачность перспектив дальнейших поисков: выжить под снегом в течение трех суток слишком нереально... Все так, но сам-то ты!?

Пропавшие могли лежать на глубине в 2–3 метра, куда короткий зонд не достанет... Тем не менее, есть надежда, что хоть кто-то лежит неглубоко и мог быть еще жив. Ведь известны случаи, когда людей находили под слоем снега до метра толщиной, – и живыми, и мертвыми...

Снизу просмотрел путь лавины, и стало ясно: защитил и нечеткий выступ выпуклости склона в зоне, по которой они спускались. Лавина накрыла, прошла по нему, но более тонким слоем, чем с боков, где рухнули главные струи снежных потоков. Кроме того, главный кусок оторвавшегося ледосброса висел левее, и его обломки упали метрах в трехстах от скалы. А главные струи не оставили бы никаких «недоработок» в виде незаполненных трещин и пустот в рандкльофте, они бы выдавили все! Ну и «пруха-везуха» же перепала!..

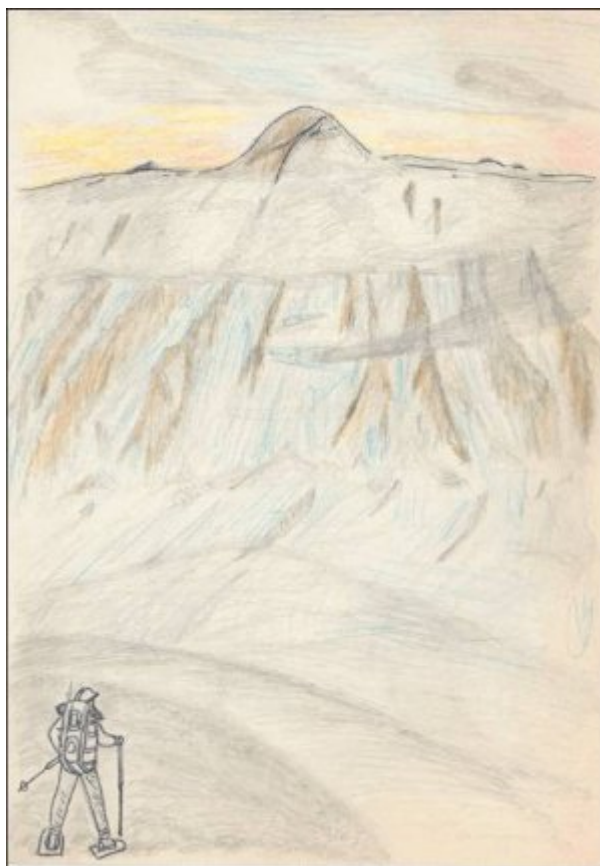

Ребята!? Надежда найти их здесь таяла, но вместе с ней крепла надежда на их спасение, – на то, что они выжили и ушли... Но все ли спаслись, и все ли ушли? А может, кто-то травмирован, покалечен?.. Радость освобождения от снежного плена сменилась чувством тревоги за друзей и новым приступом тоски от одиночества... Ты один и... А кто это сказал, что спасен? Для этого еще придется побороться! Пусть на более широком и светлом горизонте, но... Еще «покувыркаешься» до открытого ледника! Закрытый снегом ледник в одиночку, – не «семечки»... И потом до людей еще около сотни километров не по равнине! По зубьям ледников Тянь-Шаня! Одна ошибка на этом пути, и гибель одиночки неизбежна...

Что ж? На выносе, кажется, ничего! А под склоном искать – совершенно ненужная затея. Там или накрыло слоем в несколько метров, или убило мгновенно... Да их там, наверно, и не было, если успели хоть чуть отбежать... Все так! Ближе всех была Наташа... Как смотреть потом в лицо близким, если все погибли? Тяжко... Но надо идти, сжав зубы! Лимит времени, сил и продуктов очень небольшой, его надо «выжать» максимально, чтобы выжить!.. Уже 17.00, а с момента аварии прошло почти четверо суток! Тщательно заметить и сфотографировать место аварии с нескольких точек...

Ущелья потемнели, но небо еще светлело, когда в нежной дымке заката возникло это видение... Видение огромной горы. Над серой пеленой облаков, прикрывавших окружающие склоны, вдруг обнажилась шапка громады вершины пика Шокальского. Она горела, переливалась золотистыми, красноватыми, оранжевыми огнями, купаясь в лучах заката. Виднелась только самая верхняя часть, парящая в высоте и потому казавшаяся потрясающе великой. Ниже нее облачная пелена скрывала склон, а у ледника туман совершенно сливался с белым снегом. Парящая над облаком шапка царила загадочным видением, прекрасным, чудовищным, непонятным... Знак горы?.. Что этим вершина говорила ему?.. Наверное, прощалась! Спасибо Вам, великая Гора, поклон Вам!.. Вы обошлись со мной сурово, но не беспощадно жестоко!.. Дай бог, чтобы также обошлись с моими товарищами! Есть в Вас и кровавый отблеск, есть и золотой луч надежды!.. Что они означают, еще узнаю! Узнаю, Гора! До свидания, я постараюсь вернуться!..

Видение померкло, и густой туман скоро окружил глухой стеной белой мглы. Но дальнейший путь вовремя намечен по компасу определением азимута направления, чтобы не заплутать в этой белой пустыне. По рукаву ледника «номер три» надо спуститься на основной ствол огромного дендритового ледника Каинды. Известно – перед впадением, ледник-приток образует ледопад, который предстояло пройти в одиночку... Это второе по очереди опасное препятствие после предательского закрытого ледника. Здесь трещины хотя и приоткрывались, но добавлялась крутизна склона... Коварство полуоткрытых трещин известно: их края под снегом не видны, и провалиться, идя по снегу вдоль трещины, можно в любой момент! Потому неопределенные участки решил проходить, используя веревку, закрепленную на ледобурных крючьях. Перейдя трещину со страховкой, предполагал закрепить веревку с другой стороны и, вернувшись, снимать ледобур. Страховка должна защитить от срыва на самых опасных участках... Эти мысли пришли в полусне, при ночевке в снежной яме.

Чуть дальше места ночлега постепенно начинался перегиб плато с увеличением крутизны и учащающимися разрывами, переходящими в ледопад. Влево или вправо? Их перевал был первопрохождением, и четких рекомендаций по прохождению ледопада нет. Возможно, они вообще были первыми, кто прошел по этому леднику, этому ущелью... Нет и снимков... Вправо?..

Флаг надежды

И утром взгляд Вадима, ища вариант спуска, колебался в выборе между упрощенно-опасным и усложненным, но более безопасным путем. Учитывая свое положение и возможности, он выбрал усложненный вариант и двинулся вправо...

Лабиринт трещин, громады сераков...¹⁷ Непроходимые разрывы шириной в несколько метров, глубиной в многоэтажный дом. Возвращения, поиски вправо и влево, выбор места спусков по веревке. Лучше не возвращаться по такому... Ледопад крут, сверху не виден. Особая аккуратность ходьбы на кошках! Временами – по острым гребешкам льда между многометровыми провалами, а по отвесным стенкам – по веревке. По ледовой крутизне вверх, на передних зубьях, вниз – с жесткими ударами полной стопой и опорой на штык ледоруба. Вбок – тоже с опорой на всю стопу, стоя боком или на передних зубьях и клюве ледоруба в стойке к склону... Один неосторожный шаг, и полет в ледовую пропасть неизбежен... Но надежные навыки, аккуратность и отличное снаряжение обеспечивали успех. Ледопад медленно подавался. Шесть, семь, восемь часов спуска со звериной осторожностью... Заснеженная часть давно позади,верху... Небо хмурилось уже с утра, а в середине дня прошел дождь. Потом налетел порывами холодный, ледяной ветер, порвавший в клочья грязно-серые облака. Наконец обнажился, стал виден последний выкат ледопада. Но справа путь к нему преграждал мощнейший разлом, а слева, над местом смыкания разлома, склон перешел в, почти отвесную стенку...

Непонятная, безотчетная ярость вспыхнула при виде этого препятствия. Обход сложен, а здесь... Всего тридцать метров стенки. До простого ската вниз! Только вперед! Поднялось жгучее желание рискнуть, «доломать» ледопад!

Подвесив ледоруб назад, к рюкзаку, вынул два блестящих сталью ледовых якоря айс-фифи. Новое, совсем недавно изобретенное средство для преодоления ледовых отвесов, необычно удобное и эффективное. О таком изящном его исполнении еще не ведали лучше зарубежные альпинисты. Закаленная пружинная сталь, удобные ручки из твердого пенопласта, остро отточенное лезвие-клюв. При минимальном весе два якоря позволяли опытным восходителям преодолевать самые крутые ледовые склоны на скорости, даже «бегом». На кошках и без кошек, в висе на стремених якоря...

Проверив рюкзак и обвязку, встал лицом к склону и пошел боком, врубаясь в ледовый склон якорями и кошками. Несколько метров, – и оказался на ледовом отвесе, между небом и темнотой ледового провала... Оступиться нельзя! Чтобы идти надежнее, надо продвигаться не только вбок, но и вверх... Ярость вновь вскипела, страх отступил...

Через несколько минут уже шел по крутому склону вниз: ледопад остался позади. Обернувшись, оценил варианты прохождения снизу. Да, наверху не ошибся, но ниже, безусловно, было бы много легче в случае выбора левого варианта по снежно-ледовому желобу...

С выката ледника-притока повернул направо, решив вдоль края ледника Каинды спуститься к карману береговой морены, видимому километрах в двух. Микропорка льда и камни морены заледенели от дождя и ветра и были столь скользкими для подошвы, что снимать кошки было рано.

День к закату... Еще один, очень нелегкий! Прошлый, похоже, был решающим! Может, пора остановиться?

¹⁷ Сераки (сераксы) – ледовые глыбы, образованные в результате растрескивания льда в различных направлениях (слово французское, дословный перевод: «белый сыр»).

Вадим почувствовал, что ситуация с «его» спасением переламывается в его пользу. Самое опасное, кажется, позади... Вместе с тем им овладело новое беспокойство, осознание новой, неведомо подкрадывающейся опасности. Все как будто хорошо, после ледопада следовало успокоиться и встать на ночлег. Но тревога не унималась, становилась сильнее. Она заставила идти вперед, пока еще можно различить камни под ногами.

Что-то случилось! Что? Что увидел? Или услышал... Вроде, ничего... Обострение чувства одиночества? Но ведь шестые сутки один... Вот еще километр позади. Теперь они пойдут быстрее...

Что это? Что за пятнышко мелькнуло там, на морене? Маленький снежник? Желтый?..

Достав из кармана пояса рюкзака монокуляр, взглянул вооруженным взглядом и... дрожь по телу! Это палатка!.. И не какая-то! Это СВОЯ палатка, свой «желтый цыпленок», такая знакомая «полубочка» с тремя дугами, с красной полоской-вшивкой над средней дугой!.. Видны дождевые козырьки, вензели-аппликации на пологах: буква «В» и знак розы ветров.

Внутри возникли чувства, по уровню не меньшие, чем у Ассоль при первом взгляде на корабль Грея с алыми парусами. Иные чувства, но не менее глубокие и страстные... Палатка эта его, он сам ее отдал для переноски Жене Берлиной при обычном распределении походного груза между участниками...

Ребята!.. Но почему палатка одна? Где вторая? Туда!..

Флаг надежды! Эта палатка воспарила флагом надежды... Надежды на то, что он не один в этой холодной пустыне!.. Как это трудно, – быть одному!..

Но почему она одна и никого нет рядом?..

В душе смешалось все! Что ждет впереди? Радость встречи, горечь потерь?.. Что там и кто там? Вторая палатка из-за камней не появлялась. Почему же ее нет?..

Быстро и осторожно шагая по большим заледенелым камням, спускался по краю кармана морены так, чтобы не выпускать палатку из вида... Только не терять из виду!.. Казалось, чуть скрывшись за перегибом склона, она уже не появится, исчезнет как наваждение... Нет, мелькнув за камнями, она не исчезла, а приблизилась, ее контур стал четче.

Метров за пятьдесят Вадим остановился от тяжелого предчувствия и вновь нахлынувшего ощущения приближения опасности. Подал голос: «Ак!.. Сережа!.. Женья!». Ответа не последовало. Мощная сила тянула к палатке, но не меньшее усилие останавливало перед тяжелым известием. Понятно, что палатка не пуста, в ней кто-то есть, но кто?.. Неужели кто-то погиб?

Ветер опять налетел мощным порывом, стремительно неся низкие облака, чуть освещенные последними лучами заката в густых сумерках... Неизвестность давила. И тут показалось, что из палатки донесся то ли вздох, то ли слабый стон. Вадим бросился вперед. Машинка застежки-молнии, найденная привычным движением, послушно открыла полог...

Наташа

Товарищи звали ее кратко Нат, иногда Ната. Последние дни казались ей странным, страшным, тяжелым сном. Это и был полусон в постоянной борьбе с болью, которая то надсадно ныла в побитом теле, то вдруг пронзала острым осколком. Но не менее острым было осознание ужаса положения. Хотя товарищи усиленно уводили ее и уходили сами от вопроса: «Где Вадим?», она поняла, что Вадим пропал в лавине, а найти его не удалось. Только Женя тихо шепнула: «Вадим исчез... Он шел последним...» Воспоминание об этом вонзилось очень остро...

Тогда, после рокового удара лавины, она потеряла сознание от боли и ее засыпало снегом. К счастью, снег не прикрыв полностью верх рюкзака, товарищи быстро нашли, откопали и очистили от снега лицо, рот, руки... Отнесли подальше, отогрели в палатке. Сознание медленно возвращалось к ней вместе с радостью спасенья, тяжелыми болями от травмы и горьким пониманием трагизма ситуации. Вадим погиб! Здесь ничего не изменишь. А кто следующий? Быть может, Я? Самая слабая и беспомощная... Она поняла, что Вадима искали целый день и две ночи. И слышала за палаткой приглушенный разговор Ака с руководителем: Ак настаивал, что дальнейшие поиски практически ничего не дадут, а вот положение всей группы сделают крайне опасным. Особенно здесь, на ледовом плато с высотой почти четыре тысячи, и с ней, тяжело травмированной участницей.

«Надо спасать девчонку!», – Ак сказал это негромко, но она услышала. Доводы Ака были убедительны, обоснованы: его, друга и напарника Вадима по многим походам, нельзя было заподозрить в эгоистическом стремлении быстрее «умыть руки» и оставить товарища в беде. Все знали, что вероятность спасения человека, попавшего в лавину, лавинообразно уменьшается с каждым часом: через 3 часа она меньше половины, через 12 часов – меньше одной десятой, а через сутки уже теряется в долях процента. Помощь нужна, горька будет встреча... И все же решение идти вниз пришло с тяжелейшей душевной горечью: все понимали, что выход оборвет и последнюю, самую малую надежду на спасение товарища...

Решили спуститься всей группой на ледник Каинды для сброса высоты и уже оттуда вестовой частью группы вызвать вертолет спасателей для вывоза Наташи. На меньшей высоте, где не так холодно и не так гуляют ветры, травмированная будет чувствовать себя лучше, да и вертолет определенно сможет сесть.

После аварии оторванность от внешнего человеческого мира ощущалась очень глубоко, и сам этот мир вдруг стал совершенно иным.

...Перед самым выходом все разом застыли в молчании. Все, не сговариваясь, поняли: прощание... Женя отвернулась, у нее приглушенно прорвались рыдания. Ребята смотрели туда, на роковой склон и скалу, на лавинный вынос в последней, несбыточной надежде на чудо...

Спуск все-таки пришел действием, отвлекшим от тяжелых мыслей, хотя уколы физической боли усилились. Их облегчала нежная забота Жени и Саши. Один из них постоянно был с ней, в то время как другие разведывали и готовили путь, спуская ее то волоком, то на руках, на самодельных носилках-волокуше из спальных мешков, палаточного тента, лыжных палок и веревочной плетенки.

Распогодилось, светило солнце, горы играли чудными переживаниями света, но виделись они уже не такими, как раньше. Казалось, черная тень беды лежала на них подобно дымке от защищавших глаза темных очков. Гнетуще давило осознание собственного бессилия и того, что она легла тяжелым грузом на спины товарищей. Правда, ей постоянно твердили, что такое могло случиться с каждым из них. Что именно она приняла на себя самый тяжелый удар («...нет, самый тяжелый удар принял Вадим...») и что из всех сейчас тяжелее всего ей.

Что их усилия – ерунда по сравнению с ее болью... Может быть... Но что же дальше? И сколько еще это продлится?.. Давило и сознание неопределенности своего положения. Что с ней случилось, точно не знал никто. Женя, как медик группы и единственная кроме нее женщина, предполагала, что сломаны четыре ребра, повреждены рука и ключица. Но точный характер повреждений и есть ли повреждения еще, есть ли внутренние кровоизлияния или еще что-то, все это пока неизвестно.

После завершения спуска и остановки в небольшом моренном кармане у правого края ледника Каинды ей передалось настроение некоторого колебания, овладевшего группой.

– Саша, что происходит? Ты понимаешь, лучше самая страшная правда, чем неизвестность!

– Милая, просто всех беспокоит твое состояние и то, что нас надо оставить. Вопрос – кого? Я с Женей остаюсь однозначно. Остальным, видимо, надо идти: у нас мало продуктов. Послезавтра ребята попытаются выйти к погранзаставе и вызвать вертолет. Мы с Женей подготовим площадку и нас снимут. Спи, родная, не беспокойся, все будет хорошо...

Временами тяжелый сон с кошмарами сменялся не менее тяжелым полубытьем. Сквозь него она слышала слова мужа: Наташ, мы с Женей сходим за водичкой на ледник. Она чуть согласно кивнула и вновь отрешилась. Тяжелые сны шли бессистемной чередой. Один из них врезался в память сильнее других. Показалось, что за палаткой послышался звук, как будто звали кого-то... Потом кто-то потряс ее за больное плечо так, что острая боль пронзила насквозь. Она вскрикнула стоном-полуплачем: «Саня! Саня! Больно мне...» И вновь забылась, стараясь превозмочь боль. Бессвязные фразы и шепот срывались с ее губ...

Но боль постепенно отпустила, сознание и память стали поднимать загадочное видение, которое прошло перед ней. Она стала понимать, что это не сон, а нечто иное. Подсознанием поняла, что кто-то заходил в палатку и этот «кто-то» был мужчина, и не ее «Саинька», а другой. Но кто? Его голос, звавший ее, несомненно, ей знаком... И несколько световых бликов фонаря, выхвативших из темноты видение этого человека... Она открыла глаза. Темнота везде вокруг давит тисками одиночества. Но почему до сих пор не вернулись ребята? Они ушли днем, не поздно, еще в свете дня, и уходили-то ненадолго? Эта желтенькая палатка Вадима легко пропускает свет, в ней всегда светло при свете дня и темно ночью. Значит, уже ночь... Или?!?.. Кто он?.. Да! Этот голос, этот человек!.. Вадим!?.. Так вот что такое смерть! Близкие живые уходят и не возвращаются, зловещая темнота смыкается вокруг, приходит образами погибших товарищей! Приходит темной рукой, терзающей тело! Приходит смутными, видениями и неспособностью что-то понять!.. Темнотой и давящим одиночеством!..

«Саша!.. Женя! Я умираю, умираю! Где вы, где вы?» – прошептала она, зовя живых. Слеза поползла по ее щеке. Неужели это конец?.. Человек остается один, совсем один, без родных и друзей, только с болью души и тела, и только лики погибших приходят навязчивым видением из ужаса и мрака... Несколько минут она пролежала в напряженном оцепенении, пока вдруг не услышала, как сквозь стон порывов ветра до нее не донесся отдаленный свист. Это не свист ветра, – она поняла сразу, и эта малюсенькая «соломинка» вырвала из оцепенения. Поняла, что идет не смерть, а всего лишь тяжелое пробуждение. Что где-то рядом происходит непонятная борьба, и отважное желание бороться влилось в нее живой горячей струей. Нет!!! Прочь навязчивые мысли и кошмарные видения! Что-то случилось, и надо сражаться!

«Но что ты можешь?.. Ты, прикованная к палатке!» – больно занял другой голос.

Что случилось, что случилось? Видимо, ребята задержались на леднике до темноты и не успели вернуться... А в темноте, не имея фонаря, не могут найти палатку. Сигнал! Сигнал, – вот что могу! Свистка нет, но у изголовья есть фонарь! Здоровой правой рукой она нащупала фонарь и зажгла его, направив на крышу палатки. Теперь палатка будет видна

на расстоянии. Но лучше посветить в сторону ледника и прямым лучом, не ослабленным тканью, он пройдет дальше! С трудом расстегнув полог у головы и, отталкиваясь ногами, со стоном продвинулась к выходу и, высунув руку с фонарем наружу, посылала луч надежды в темноту ночи. Ветер трепал полог, бил им по лицу, в палатке сразу стало холоднее. «Если надо, буду светить всю ночь! С перерывами, чтобы хватило батареек. Всю ночь!» – решила твердо, и это было ее спасением. И это было помощью им... Но откуда этот свист? У Саши свистка нет... Не помню, был ли у Жени... Свисток имел Вадим... Нет! Прочь мысли об этом...

«Мальмстрем» Каинды. Вадим Воронин

«Что случилось?.. Что же могло случиться?!» – Вадим не находил ответа. В палатке одна Натка, в бреду, в бессознательном состоянии. Но и вещи еще двух, – Саши и Жени. Неужели спаслись только трое? Вдвоем они ее вряд бы спустили... Но где эти двое?! Где они?! Наташа одна в таком состоянии не смогла бы спуститься, тем более с их вещами. И бросить ее в таком состоянии они, конечно, не могли. И уйти далеко без своих вещей... Значит, они где-то рядом. Но почему их не видно?.. Ушли и не вернулись? Все не так! Надо искать!

Что-то заставило вновь надеть рюкзак (еще не хватало ночью, в этой ледяной пустыне остаться без рюкзака!). Вынул из поясного кармана блестящий металлический свисток, отошел от палатки, и над ледником пронеслась мощная трель сигнала. Прислушался. Ответа нет. Тогда прошел полкилометра вверх по морене, вернулся дугой назад и прошел в другую сторону. Каждую минуту посылал длинный сигнальный свист во всю силу легких, прикрывая уши, а потом тщательно вслушивался в тишину, ожидая ответ. Ответа не было, как и следов на заледенелых валунах. Сумерки встали стеной, гася последние лучи заката. Мощный холодный ветер гнал над ледником низкие облака, мрачная картина которых менялась каждую минуту. Наверно, стало бы уже совсем темно, но ледник чуть блестел свежей полировкой от недавнего дождя и ветра. С этим леденящим ветром, казалось, влилось ощущение опасности, жгучей тревоги. Никак не объяснить, что это такое, но в поведении ледника и атмосферы струилось что-то непонятное, зловещее... Действовать опасно, но бездействие будет роковым!.. Стоит перевооружиться, взяв в правую руку ледоруб, а лыжную палку положить в левую. Проверил затяжку креплений кошек и внутренне напрягся, стараясь сосредоточить внимание, волю и мысли так, как их собирает охотник, чувствующий рядом раненого хищника... Ночь погасила лучи заката и ломилась темнотой во все щели окружающих гор!..

Искать! Но где?..

Остановился. «Ты не там ищешь... Поищи-ка лучше внутри себя...» – вспомнилась старая заповедь. Сдвинув под себя «сиделку» из «пенки»,¹⁸ присел на валун.

Так, куда они могли «смыться»? (Потом вздрагивал, вспоминая эту фразу). Вечером? Да, не «смыться», а помыться и набрать водички? Пожалуй... Попробуем версию. Здесь нет ни реки, ни ручейка, а от натечного льда мало проку. Да и не стали бы они топить воду из льда при острой нехватке горючего... Где набирать? В ручьях на леднике, или там же, в «линзах» – небольших трещинах, заполненных водой... Ледник у края ровный, ручьев и трещин не видно. Но виден широкий желоб, по которому стекает мощный поток, – его он заметил, когда еще было светло. Шум слышен и сейчас. Туда! Но прежде заметим ориентиры на морене, чтобы найти палатку...

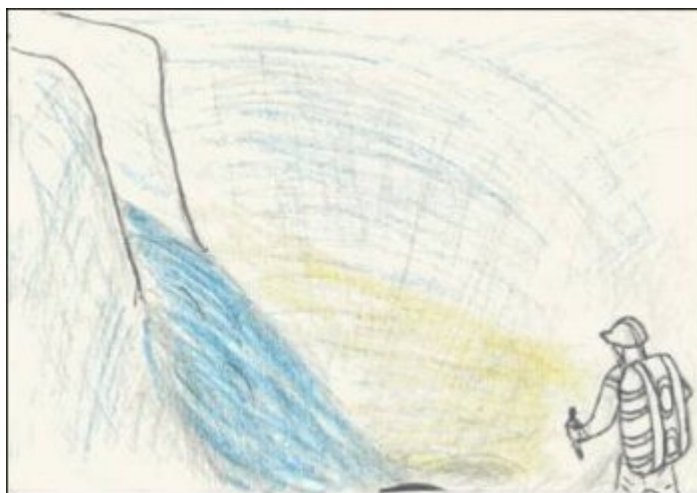
Час назад при выходе на правый край Каинды заметил на участке середины ледника мощную котловину с озером, которое накапливало воду, стекающую ручейками с нескольких квадратных километров ледового поля. Озеро имело всего один заметный водосток сначала в виде неширокой речки, все более и более сужающейся и углубляющейся в пропиленное водой ложе потока, в ледовый желоб. Желоб уходил за перегиб без видимого продолжения на дальнем поле льда. Вадим отметил тогда эту небольшую странность, но не придал ей значения. Сейчас это вспомнилось и подумалось: «А действительно, куда же уходит этот

¹⁸ Походное сиденье выполнено из толстого прямоугольного куска пенополиэтилена с тесемочной резинкой, охватывающей пояс. Такая теплоизолирующая прослойка защищает от холода и неровностей сидя на снегу или камнях.

поток? Подойдя поближе, увижу. Или я просто не разглядел, как он прячется за еще одним увалом?..»

«Черт, какие скользкие камни. Гололед! Ветер ледяной после дождичка, а ледник, как каток. Хорошо, что кошки на ногах... Еще сигнал! Палатка сейчас исчезнет. Азимут... Пойду к желобу напрямую... Ну, ничего в ответ! Еще сигнал! И все-таки уже не один: Наташа и НАДЕЖДА!.. Подарочек! Ситуация! Но где же они, где?! Поток „уже“ и „еще“ не виден, до него метров 300... Сигнал! Где желоб?! Его нет! Он сбоку? Влево!..» Дрогнул внутри: слышалось, что сквозь звук потока донесся другой звук, – то ли стон, то ли приглушенный вскрик.

«Влево, влево! Сигнал! Еще! Что за ямина!? Господи, избави!.. Неужели?..» Свет фонаря вырывает из темноты картину, заставляющую вздрогнуть, попятиться и похолодеть от страшной догадки.

Ледовый склон круто уходит вниз гладким конусом, в который через глубокую щель-разрез водяной поток мощным метровым валом врывается в низ конуса и, закручиваясь по стенке, уходит в дыру-колодец шириной более метра. Выше дыры – крутая ледяная воронка глубиной метров семь, со скользким скатом, обрывающимся прямо под ногами...

«Ледовый кратер!.. Водоворот!.. Мальмстрем Каинды!..»¹⁹

В это не хотелось верить! Он-то стоял надежно на острых кошках, с ледорубом в руке! А они? Они шли, беззаботно разговаривая и помахивая котелками, пока один из них не поскользнулся у этой ямы на катке и скользком вибране ботинок... Второй попытался помочь, и они сорвались оба, скатились в поток, в колодец, под ледник, в преисподнюю!.. Саша и Женя! Боже правый!.. «Этого не может быть!!! Этого не может быть?..»

Стремительно прошел вдоль потока, широко обогнув провал-расщелину, чтобы осмотреть берег. Луч света пробивал темноту метров на десять, дальше все размывалось...

«Осмотреть берег! Осмотреть место выхода к воде, – быть может, там остались какие-то следы... Призрачная надежда!.. Ложе потока становится не таким глубоким... Что это? Это камень? Откуда здесь, на ровном льду камень? Нет! Это не камень! Бачок! Перевернутый бачок от примуса! Брошен на лед? Или просто поставлен? Рядом с потоком! Нет, брошен! Зачем? Почему?... Нет, просто так, невзначай, они сорваться в поток не могли! Не тот народ! Здесь дело сложнее! Но неужели все же сорвались? Оба? Или один? Надо искать дальше! Где? Вверх по потоку нет смысла! Назад, вниз по потоку! Вернуться и осмотреть желоб! Ближе к краю! Осторожно!..»

¹⁹ Мальмстрем – огромный фантастический водоворот, описанный в рассказе Эдгара По «Низвержение в Мальмстрем».

Подвиг Саши Белова

Нет! Женю подвело не незнание об опасности, не невидимость риска... Ее подвело ощущение обыденности, обычности совершаемого действия в изменившихся условиях, на скользком льду и перед двукратно увеличенной силой потока после прошедшего дождя... Уже несколько раз она набирала здесь воду, и мысль об опасности потока уже отошла, стала весьма далекой. Эта мысль не проникла глубоко даже тогда, когда Саша напомнил: «Женя, осторожно! Очень скользко!..» и тогда, когда заметила, что глубина воды после дождя увеличилась вдвое! Угнетали думы о Вадиме, в ней болело осознание того, что часть ее ушла, погибла вместе с ним... Пропал не просто товарищ по группе, – рухнула любовь, мечты, надежды... Ее чувство к Вадиму было еще настолько тонким, глубоким и непонятным, что в нем она боялась признаться сама себе. И лишь потеряв, ощутила всю бездну страдания любящей женщины, всю горечь тоски и безысходности потерянного сердца!..

То ли полное неведение Вадима о том чувстве, которое она тщательно скрывала, то ли его равнодушие или отвлечение на другую женщину, то ли наивность восприятия или заблуждение о невозможности любви, вызывали у нее иногда внутреннюю усмешку женского превосходства, временами задумчивую озабоченность, а случалось, и приступы скрытой ярости возмущения. Как! Как это он может не видеть во мне женщину?! Как он может не замечать моих взглядов, скрытый смысл моих слов, выражения лица, движений рук?! Это мужчины могут и должны прибегать в любви к отдельным силовым методам типа откровений, признаний, предложений и просьб... Женщина этого себе позволить не может! Не может! Она должна быть тоньше, а ее оружие – изощреннее!..

Она знала о разрыве Вадима с женой значительно больше, чем он знал о ее разводе с мужем. Иногда бесившее ощущение его неведения, нежелание пойти навстречу и сделать хоть маленький шаг к сближению, поднимали в ней стремление прибегнуть к помощи какой-то эмоциональной «дубинки», чтобы пробить лед равнодушия... И это произошло случайно, экспромтом. Наверное, в обычном состоянии она бы на это не решилась, но в тот вечер ее опьянило Амаретто, «Вана Таллинн» и дерзкое ощущение внутренней раскованности. В тот вечер показалось, что получается все! Внутренне все рассчитала очень точно, все до мгновения. Как занять позицию, как нанести удар легким подъемом платья, как отступить с гордо поднятой головой и как внимательно проследить за последовавшей реакцией...

Почувствовала, что «удар прошел», что его «задело», но... А что же дальше? А дальше осталась все та же неопределенность. В его взгляде явно произошла какая-то «подвижка», но в какую сторону?.. Ее охватывал ужас при одной мысли о том, что он догадался... Тогда он наградит скрытым презрением, мелким сочувствием, снисходительностью старшего брата. А то и насмешкой? Ей же нужны совсем иные отношения... Ей нужно взаимное обожание со всеми составляющими! С взаимностью внутреннего понимания и общностью устремлений. С высоким женским ощущением силы своей красоты и дарения этой красоты любимому. Со слиянием физической и духовной страсти, взаимным восприятием красоты природы, искусства, литературы, творчества. На такой основе ей хотелось построить отношения. Чтобы любовь друг к другу естественно перешла на любовь к детям, пусть еще не родившимся. Обжегшись раз!..

Осторожно переступая, Женя подошла к потоку. Здорово он усилился от прошедшего дождя!.. И стало так скользко! Ей вдруг опять вспомнились страшные мгновения бегства от лавины. А что в тот момент делал Вадим? Растерялся? Или что-то пытался сделать для спасения?.. Теперь не узнать...

Чтобы дотянуться кастрюлей до воды, она глубоко присела на одну ногу, отставив другую в сторону и, вытянув руку, погрузила кастрюлю в воду. Несущаяся вода моментально

захватила кастрюлю и рванула ее за собой. Женя попыталась удержать, но силой потока ее вдруг развернуло: ненагруженная нога носком ботинка предательски заскользила по мокрому, гладкому льду! Упор в лед второй, свободной рукой и попытка удержать кастрюлю оказались тщетны: заскользила и опорная нога и в результате разворота левая нога погрузилась в воду... Поняв опасность, она выпустила кастрюлю. Поздно! Быть может, спасло бы падение на лед, полностью распластавшись, но в отпущенную долю секунды она не догадалась это сделать. Приложенный импульс движения и сила воды, уже захватившей левый ботинок, повернули ее, опрокинули и увлекли в поток!

Вскрик Жени заставил Сашу обернуться. Он увидел!!!

Женя соскользнула в воду!..

Поток подхватил ее и понес сначала медленно, потом быстрее и быстрее...

Интуитивно тут же бросил на лед вторую кастрюлю, – бачок от примуса, и схватил ледоруб обеими руками. Женька в воде!.. Сейчас ее увлечет в ледовый коридор!.. А потом в эту ямину! В этот люк!.. Женьку!.. Под ледник! В преисподнюю!!! НЕТ!!!

Он бежал по предательски скользкому льду вдоль движения Жени, параллельно потоку, в нескольких метрах... Что?.. Как спастись? Плана нет, но... Остановить это! Любой ценой! Коль ты мужик, а в руке секира!..

Женя, отличная гимнастка пловчиха, отчаянно пыталась задержаться упором в стенки ледового желоба, поскольку уцепиться за гладкий лед совершенно невозможно. Если бы удалось остановиться!.. Тогда с помощью Саши удастся и выбраться... Но упор руками, ногами и спиной не помогал: все скользило по гладким, отполированным водой стенкам, а наваливающаяся сила потока срывала, делала бесполезными все эти попытки... Еще 30–40 метров и... Коридор!.. Там уже не помочь!..

Сейчас или никогда! Остановить падение! Перегородить! Собой!

Саша резко ускорил бег, чуть обогнал Женю, и наперерез бросился в поток! У самой кромки резко развернулся и в падении, распластавшись, зарубил ледорубом, погрузив в воду только ноги с упором в дальнюю стенку желоба. Только бы Женька остановилась! Если б на ногах были кошки!..

Женя сделала все, все, но их сорвало, сорвало!!! Саша тоже оказался в воде рядом с ней. Она вцепилась в него, и теперь они сражались вместе, отчаянно отжимаясь к ледовым стенкам, захлебываясь водой, то погружаясь, то выныривая... Скольжение резко замедлилось, но их все равно сносило, тащило силой воды в ледовый коридор! Саша отчаянно пытался цепляться ледорубом.

– Спиной!!!! И ногами!.. В стенку! Сильнее!.. Еще!.. Да!.. А!..

Их отрывочные вскрики прерывались накрывающими волнами... Мысль беспорядочно пыталась найти нужное решение, – ту соломинку, за которую можно зацепиться!

Желоб углубился. Их втащило в ледовый коридор. Еще 40–50 метров и колодец!.. Поворот потока! Это – последнее! Последнее, что осталось на пути, последняя «соломинка»... Коридор на своей середине пересекался рудиментом, остатком ледовой трещины. В этом месте сила течения ослаблялась небольшим коленом – поворотом. Береговые края колена размывы водой и в самой нижней части трещины, у потока, скаты льда имеют пологий размыв шириной до полуметра. Задержаться можно только здесь, на малюсеньких пятачках берега!..

Не запомнилось, как это случилось. Напряжение борьбы оставило только отрывочные воспоминания. В порыв вложили вся ярость, все отчаяние! Жене запомнился Сашин стон, похожий на рычание, когда он, захлестываемый потоком, но все же как-то уцепился ледорубом и упором ноги выжимал ее на береговую поверхность. Саше запомнилось, как Женя в невероятном шпагате, казалось, в последний роковой момент остановила их вращение, что помогло сгруппироваться и вырваться на прибрежную часть потока, прижаться ко льду там, где скорость течения и глубина минимальны... В миг остановки Саша успел нанести подряд два удара ледорубом и зацепиться за береговой припай, когда их, казалось, начинает опять сносить... Задышавшись от усилий, выползли на края береговых припаев. Эти наклонные края неправильной формы были очень малы, а выше крутизна льда резко увеличивалась... В момент самого последнего усилия, когда Саша приподнялся для поворота лицом к потоку, ледоруб выскочил из его руки и исчез в струе! Он не рассчитал, казалось, чуть-чуть расслабив кисть, но сведенные напряжением и холодом руки слушались плохо... Осознание глубокой драмы этой потери еще впереди. Главное сделано! Женя спасена!

Женя спасена! Это победа! Победа? А что же дальше?..

Удалось кое-как устроиться на береговом льду, подстелив промокшие пуховки. Не без труда сняли, отжали от воды и вновь надели промокшую одежду. Напряжение борьбы отняло на время чувство холода, но теперь оно появилось. Злобный ветер дул непрерывно, водяной поток разделял их и не позволял согреть друг друга. Чтобы выбраться, надо преодолеть крутую ледовую стенку желоба, почти отвесную. Иметь бы кошки и ледоруб, или хотя бы что-то одно! Но ни того, ни другого нет! Ледовая ловушка...

Да, Женя спасена! Но какой ценой?! Как выбраться из этой западни? У Саши в кармане остался только один перочинный нож...

– Что же делать, Шура?

– Ничего, ничего, Женечка! Самое страшное позади! Вывернемся!.. Что-нибудь придумаем!.. Держись!..

Саша начал долбить поверхность льда ножом, пытаясь выполнить углубление-зацепку сначала для руки, а потом для носка ботинка... Как-нибудь...

Ветер валом, с усилением на порывах... Прошел час, другой, третий. Светлый день сменился сумерками, а потом темнотой... Хотя одежда частично и подсохла, холод свирепел: на каждом кроме нижней футболки был только тонкий свитер-«олимпийка» и оба чувствовали себя на ветру «дырявым решетом»... Промокшие пуховки лежали под ними...

После четырех часов работы Саша выполнил два углубления для ног и две зацепки для рук... Но начал понимать и тщетность дальнейших усилий: руки и все тело сводило судорогами от холода, оно становилось «деревянным». Он уже еле держался на краю водяного потока. На зацепки можно было встать, но долго простоять на них невозможно... Сначала, часа три, их колотило крупной дрожью, но потом дрожь прекратилась, а это являлось никак не признаком «привыкания», а зловещим предвестником опасного замерзания. Синдромом переохлаждения...

Еще через час Женя ощутила, что временами почти отключается. Уже слабо помогали попытки согреться упражнениями: от них только увеличивалось состояние усталости. Движением воли она требовала от себя возобновлять их вновь и вновь... Заснуть хотя бы на

минуту означало сорваться в поток и напряжением всех нервных сил она еще держалась на скользком льду, понимая, что силы скоро кончатся. Утомленное сознание начинает давать сбои: то забываться в кошмаре близкого воспоминания о борьбе в потоке, то почти «отрубаясь» в полусонном забытии, то порождая желанные видения в виде звуковых и световых галлюцинаций. Временами ей казалось, что сквозь шум ветра слышит чей-то крик или видит сквозь темноту возникший луч света. Тогда она кричала в ответ. Поддерживала близость Саши и переговоры с ним. Но и он начал переходить в похожее состояние отрешенности. И вот в сознании появилась и усилилась мысль о том, что приближается самое страшное, что «ЭТО» уже не предотвратить... Что «ЭТО» может предотвратить только чудо... И родилась вера в чудо! Что оно должно произойти! Эта мысль стала навязчивой и тоже помогала держаться...

«Нет! Мы не погибнем!.. Этого не может быть!..»

Рассказ Жени Берлиной

В странном я находилась тогда, полубессознательном состоянии. Плохо и медленно соображала, многого вообще не понимала, тем не менее, в память четко врезались события той трагедийной ночи. Конечно, имелась видимая причина нашего тяжелого с Сашей состояния: нас обоих сильно поразил холод. Но после пришло осознание того, что психологическая травма от происшедшего была тоже очень сильна и вызвала некую «усталость рассудка», не позволившую сразу правильно оценить новую ситуацию. Случилось оцепенение, паралич разума, зато каким потрясающим было его пробуждение!

Держаться! Держаться на краю потока стало навязчивой идеей, как и вера в чудо! Больше ничего не оставалось! Что сулит нам будущий рассвет и удастся ли дожить до рассвета, мы не могли знать! Меня согревала только надежда на Сашу, моего спасителя, и надежда на помощь, очень призрачная, поскольку ребята за два дня, мы знали, вряд ли еще дошли до заставы... Могла еще прийти на помощь какая-то проходящая туристская группа, но здесь, в местах весьма отдаленных, группы проходили достаточно редко и тем более никто бы не стал идти ночью... Наше положение было безнадежным, но в этом мы не признавались ни друг другу, ни себе! Держаться! Держаться!..

Я чувствовала, что начинают отказывать руки, что холод забирается внутрь все глубже, что рассудок уже переходит в мир галлюцинаций... Я, атеистка до мозга костей, начала читать молитву...

И этот новый, вначале еле слышимый звук тоже показался галлюцинацией! Но он стал повторяться все сильнее и сильнее!.. Свист, и свист не ветра, а свистка!.. Он рождал надежду, хотя совсем непонятно, откуда он мог появиться. Мы пробовали кричать в ответ, но шум потока заглушал наши крики...

Потом за звуком, показался свет, тоже слабый, затем более сильный! Он появился, подрожал в отдалении и почти исчез... Страшно было даже подумать о том, что он исчезнет совсем! Но он стал возвращаться и, наконец, мы смутно в темноте увидели человека с механическим фонарем и с рюкзаком за плечами. Мы крикнули, он ответил, приободрил и велел еще немного продержаться... Но как он сможет достать нас отсюда, я не понимала... Мой ум уже не смог дойти до того, как это произойдет... Я ничего почти не понимала, когда меня перетянули веревкой... Что же дальше?... Он велел лечь на лед, когда раздастся свист. Зачем? Зачем ложиться на лед?... Но я послушно легла, и мощная сила потащила меня за веревку по скользкому, мокрому льду. Зачем, зачем меня так грубо тащат?..

И вдруг, страшная трещина с потоком оказались внизу и далеко! Далеко!!! Всего в двух метрах от края, но уже в совсем другом мире! Я лежала на леднике, и уже не надо держаться за мокрую одежду, примерзшую ко льду! Я попыталась подняться, но не смогла. Тот страшный мир холода упрямо не хотел меня отпускать! Мой спаситель подошел, поднял меня и отнес еще от провала, уложил на коврик, что-то сказал и исчез... Я опять осталась одна, и чувство одиночества пронзило новым холодом. Однако из последней его фразы я поняла, что он вернется... Зачем, зачем он ушел?..

Он вернулся и не один, а с Сашей. Потом резко и грубовато меня раздел, говоря что-то успокаивающее... Во мне сохранились женские чувства, и они пролились слезами, когда я не смогла противостоять бесцеремонному натиску грубой, спасительной мужской силы... Потом стало легче. Так же быстро он одел меня в сухое и теплое, влил в губы что-то горькое и холодное, но от чего в теле постепенно возникло тепло, страшно закружилась голова, а взор и рассудок еще более затуманило дымной пеленой беспорядочных мыслей и ощущений. Завернул в пуховку, размял замерзшие руки и ноги... Потом немного поговорил с Сашей. Я

слышала и запомнила этот разговор, но совершенно не поняла тогда его содержания. Сознание было придавлено.

Спаситель понес меня по леднику, взвалив на плечи. Веревка врезалась в тело, но я не очень это чувствовала: холод, видимо, снимал боль. Он что-то говорил мне, и я поняла, что мы идем к палатке. Палатка! Палатка!.. Ее уютное тепло казалось райской мечтой! Но тут отвлекла боль, возникшая в пальцах рук и ног, боль усиливающаяся, идущая снаружи вглубь... Жгуче заныло тело под веревкой!.. Боже! Я, наверно, обморозилась, и каковы будут последствия!.. Остаться покалеченной женщиной!.. Одна мысль об этом пронзала кинжалом! Мои дети еще не родились!..

Он дошел очень быстро, перед биваком зачем-то запел песню и прокричал несколько фраз Наташе. Потом втиснул меня в палатку и бросил Наташе еще несколько фраз. При этом снял с меня пуховку, уложил в спальник-спарку, накрыл другим спальником и придвинул вплотную к Наташке. Взял несколько вещей из одежды и опять исчез, застегнув палатку. Я поняла, кукла деревянная, что он опять ушел за Сашей.

Боль, идущая от кончиков пальцев, стала разрастаться и охватывать все тело, которое забило крупной дрожью. Сердце разогналось, заколотилось бешено, «в разнос». Своей страшной работой оно раскачивало на разогрев, спасало все тело, пытаясь разлить по его наружным замерзшим тканям струи теплой крови... Я безнадежно хватала воздух губами и рыдала от боли, как ребенок! Натка словами, как могла, успокаивала меня, но что она, тоже беспомощная и испуганная, могла поделать! Только как-то поддержать морально, и мы рыдали вместе, как белуги... У вас когда-нибудь отходили руки после сильного замерзания? Вы помните, какая это боль? Вот так у меня болело все, все тело! В эти минуты я не знала ничего, кроме своей боли... Я чуть не умерла от нее! Но не умерла. Бабы живучи! Сердце выдержало, победило! Укрепляйте его тренировками, и оно спасет вас в судный час!.. Постепенно боль стала проходить, крики и слезы стихли. Накатилась волна жара, она прожгла все тело, совершенно ослабевшее и физически и психологически... И тело, и разум погрузились в мокрый теплый туман. Будто во сне почувствовала, как мой спаситель массирует руки и ноги. Массирует мягко и аккуратно, не задевая за женское... Потом пришло полузабытье, переходящее в сон. Его на какое-то время прервали, напоив меня чем-то теплым и сладким. Я почувствовала, что соображаю лучше. Ната тихо спросила, не надо ли мне выйти, и я мотнула головой в сторону... Тогда она произнесла странные слова о том, что Вадим Воронин не погиб, что это он спас меня и Сашу... Я улыбнулась такому пустячку, такой красивой сказке: Натка, конечно, придумала все это, чтобы меня успокоить в таком состоянии. Фантазерка! Тоже бредит!.. Уже совсем проваливаясь в теплый, сладкий сон, я почти не почувствовала, как меня переложили удобнее, и забылась, как младенец...

Из Мальмстрема... (Вадим Воронин)

«...Боже! Я узнал их сразу!.. Женя и Саша! Полураздетые и промокшие на диком ветре! В ледовом разломе, на краю потока, несущемся в страшный сточный люк!.. Как они там оказались? Где остальные? Что их туда занесло? К черту все! Спасти! Спасти хотя бы этих двоих!..

Веревка для спуска – к ним!.. На ледобуре!.. Вытащу полиспастом.²⁰ Да?.. Нет! Боковым полиспастом! И на полную длину веревки!.. Так!.. Расходный конец – для их обвязывания... Карабины! Ажур!.. Второй ледобур – у края, у перегиба, метрах в трех. Главное – подтянуть их сюда, за перегиб! Сначала ее, потом его! Дальше – ерунда!.. Скорее!»...

Система вытяжки, быстро возникшая сначала в голове, а потом и на льду, была достаточно проста. Веревка, закрепленная одним концом ледобурным крюком и вытянутая почти на всю длину, проходила свободно через карабин второго ледобура, завернутого примерно в трех метрах от перегиба ледового склона над крутым скатом, ведущим в расщелину. Оставшиеся несколько метров веревки с концевым узлом предназначались для спуска к потерпевшим. Нагружая веревку своим весом, Вадим рассчитывал максимально натянуть ее силой. Далее следовало надежно обвязать товарища подготовленным для этого куском расходной веревки, зафиксировать эту обвязку карабином и пристегнуть ее к узлу на конце натянутой веревки, максимально укоротив ее завязкой этого узла на незакрепленном конце. Затем Вадим предполагал вылезти наверх по веревке с помощью зажима на кошках и вытащить привязанного товарища волоком путем боковой нагрузки основной веревки в середине ее участка между ледобурами. Боковое нагружение позволяло в несколько раз увеличить усилие натяжения веревки, особенно в начальный момент, когда угол раствора веревки в точке приложения усилия близок по величине к развернутому углу... Так иногда усилием человека вытаскивают застрявшие автомобили. Подобная система отличается высокой эффективностью и предельной простотой.

Система обвязки длинным куском веревки тоже продумана ранее. На конце веревки завязывался узел с петлей, отмеренной примерно на полную длину ноги от стопы до пояса. Две петли замкнутой части веревки образовывали задний поясной хват с боковыми петлями, причем одна из ниток охвата закладывалась ниже, под бедра, и ее вытягивали вперед между ног с образованием третьей петли. Все три петли-перегиба замыкались карабином: после этого «беседка» для пояса и бедер была готова. Оставалось одинарным продолжением веревки завязать грудной хват с замыканием его узлом «булинь» и поддержкой наплечной петлей из того же конца веревки... Второй, подъемный, карабин встегнуть в грудную обвязку и наплечную петлю. При правильном завязывании системы нагружение этого карабина вызывало нагружение «беседки»...

На подготовку ушло несколько минут.

«Скорее! Скорее! Успеть!..»

Он понял сразу, как угнетены товарищи холодом, как уже оцепенели они в этой ледяной расщелине... Их слабый крик стонал мольбой!.. Они не понимали, кто он и откуда!.. Только успеть!..

Первой вытащил Женю. Оттащил от края и уложил со льда на коврик. Она сгибалась и разгибалась с трудом, почти не соображала, она легла куском страдания...

²⁰ Полиспаст – система увеличения усилия веревки (каната) с помощью подвижных и неподвижных блоков и применения нескольких ветвей веревки (каната) и изменения направлений усилий.

Чтобы извлечь Сашу, пришлось снять крепления системы, обежать водоворот и закрепить веревку на другом берегу... Что помогло, так это свет Луны, вдруг выглянувшей из-за туч, как будто посмотреть на драматическую развязку этой ночи...

Бросив спасительную веревку, взвалив Сашу на плечи, Вадим отнес его к своему рюкзаку. Саша, кажется, соображал лучше, кое-как понимал обстановку и на вопрос: «Сможешь ли немного потерпеть еще?», – кивнул, тихо пробурчал: «Ничего, потерпим...», и стал копать, пытаясь негнущимися пальцами развязать заиндевевшие ботинки.

Вадим начал срывать с Жени промокшую одежду... Она приняла это согласно, но потом, когда дело дошло до мокрого нижнего белья, оказала слабое сопротивление. Когда же он, как мог, уговаривая и отводя глаза, преодолел это сопротивление, она всхлипнула и тихо заплакала. Ее все же успокоила фраза: «Ведь темно, ведь не смотрю же!..» Быстро одел ее в свою сухую одежду, – одел, как ребенка, как много раз одевал своего сынишку. Потом, силой разжав ей рот, заставил выпить полсотни граммов разведенного спирта...

Сухой одежды для Саши уже не было, поэтому его Вадим тоже раздел и укутал в свой спальный мешок. Уложил на коврик ногами к ветру, а ноги упрятал в рюкзак. Также напоил разведенным спиртом...

– Подождешь?!

– Подожду!.. А вы, ребята, откуда?..

– Какие ребята? Я – Вадим, понимаешь?! Ваш Вадим! Воронин! Шурка! Я не погиб! Не погиб, мне удалось спастись!..

– Вадим?.. Вадим!?! Воронин!.. Димка! Так это ты!.. Откуда? Боже правый!.. Ты спасся?..

– Спасся, Саня... Потом расскажу! Сейчас отнесу Женю в палатку. Ты постарайся хоть чуть-чуть отогреться. Уложу Женьку и приду за тобой!..

– Вадим!.. Я в отрубе!..

– А где остальные? Кто-нибудь погиб?

– Ушли за помощью... Все, кроме тебя, живы!.. Наталку поломало лавиной!..

– И я жив! Живой! Вырвался!.. Наталку видел, но она мне ничего толком не сказала. Как же вы так?..

– Залетели мы... Сорвались... Круто залетели...

– Понял, потом расскажешь! Ну, я потащил Женьку. Жди, и я вернусь! Скоро! Грейся! Держись, Шурка! Нам бы до палатки! А там будет и тепло, и чай, и каша!..

Женю, одетую в сухую одежду и пуховку с накинутым капюшоном, он охватил под спину и бедра петлей из расходного куска веревки. Не без труда накинув обе боковые петли себе на плечи, с усилием встал, подняв тяжелую ношу, и быстро зашагал, опираясь на палки, которые позволяли хоть чуть-чуть разгрузить плечи.

«Так, куда идти? Где же палатка? Как бы не уклониться в сторону... Все живы! Слава тебе господи! Никто не погиб в этом переплете!.. Радость-то какая! Боже мой, какая радость!.. В жизни ничего такого не было!.. Огонек!.. Огонек! Опять сверкнуло! Да! Это от палатки!.. От палатки. Она там! Прекрасно! Теперь не ошибусь! Но кто же может подавать сигнал фонарем? Неужели кто-то еще вышел к палатке? Ночью?... Вряд ли... А Наташка?.. Наверно, очнулась... Вот девчонка! Вот молодчина! Догадалась просигналить! Живем, Женечка! Сейчас уложу в тепло, в уют, в спальничек! Только отходи „на сугрев“, милая!.. Как хорошо, когда не один, с друзьями! И когда все живы!.. Ах, Наташка, молодчина!.. Но она же еще, наверно, не сообразила, что я спасся... Вот явление „черного альпиниста“ с ношей!.. Как бы не напугать неожиданным появлением. Что бы сделать?.. Как буду подходить, запою! Одну из наших песен... Визбора... Еще не было поющих призраков. Поют только живые!..»

Ах, что за дни такие наступают!

Куда уводит дальняя дорога?!
Она ведет ни мало и не много
В заветный сад на улицу твою!..

– Наташа!.. Нат! Натка! Это я, Вадим Воронин! Я, Вадим Воронин! Я не погиб, мне удалось спастись! Мне удалось спастись! Я иду с Женей! С Женей!.. Натка, здравствуй! Какая же ты молодчина! Натка! Натка!..

– Вадим!.. Вадим!.. – ослабевшая Наташа захлебывалась от слез, – Как же ты, как же это так?.. Где Саня?..

– Саня на леднике, я сейчас за ним пойду... Он с Женей попал в дикий переплет. Но, слава богу, живы. Расскажу потом, сейчас не время. Да и самому не все понятно... Уложу к тебе Женечку. Сильно она переохладилась. Согрейтесь вместе, и успокой ее, как можешь. Она очень слаба от холода... Видимо, в ледяной воде искупались, а потом на холодном ветру... Не могли вырваться из трещины. Ложитесь вместе в спарку, так теплее... Вот так! Пуховка есть?.. Возьму свою... Сашины вещи... Его надо переодеть... Эх, весела работенка пошла!..»

Взмок от этой работы!.. Саша не хотел, чтобы его несли, шел с поддержкой сначала медленно, но к концу немного «разошелся». Вадим сделал жесткий массаж обоим, размяв и руки и тела, согревая движением. В палатке от этого поднялся плач и стон. Они плакали, как дети, но кротко повиновались приказам спасителя.

Убедившись, наконец, что товарищи согрелись и отходят в тепле, и что конечности сгибаются без потери чувствительности, Вадим сообщил всем, что ненадолго уходит, закрыл палатку и устремился назад, на ледник с пустым рюкзаком и бачком от примуса. Вернулся, прихватив и воду, и большую часть брошенного снаряжения. Спасительную веревку оставил на леднике, – ее, закрепленную на льду, можно снять и утром... Интересно, что бы он делал без нее?..

Через час весело шипящий примус уже грел и палатку, и воду для чая.

«Кажется, успел!.. Но в последний момент! В последний!.. Вот цена одного темпа!.. А если бы я его проиграл? Подумать страшно!»...

Напряжение борьбы спало... Всех напоил сладким чаем с сухарями. Больше ничего не принял из солидарности с ребятами, – можно ли им есть в таком состоянии? Может не пойти впрок. Пусть отдохнут так. Утром для них приготовлю... Да и голода почему-то не ощущал...

Так, четверо ушли за помощью?.. Новая тревога! Еще не легче... И эта фраза Наталки со слов Сергея: «Полчаса спуска, и в боковое ущелье...» В получасе нет ущелий с пройденными перевалами! Только Маршала Конева, но это... О-го-го... Их может вынести на такие зубья в сочленении Каинды и левой ветви Путеводного... Там «дырки» хребта могут быть все на «ЗБ»... В их-то состоянии психологической травмы... Без схем, без описаний...

И что это за странная фраза Наталки: «А ты ложись с Женечкой. Это будет хорошо...» Чего-то здесь она не договорила. А может, померещилось? Внешне похоже на намек, или проговорилась?.. Женя, кажется, вполне согрелась и успокоилась. Спит, как ребенок. Жар есть, но тихо спадает. Дышит ровно. Это хорошо. Вот благодать-то!

Но что же дальше?.. Ладно, утро вечера мудренее и значительно длиннее... Надо будет обдумать положение. Оно совсем «не сахар», учитывая состояние Наташки. А что, если вызов помощи задержится?.. Темп! Темп!.. Сидеть здесь и ждать... Рискованно!.. Ладно, посмотрим утром по состоянию ребят... Перевал Предутренний... Он здесь, часах в полтора... Его ребята знали только понаслышке, а ты, злодей, и знал и ходил... Он может быть ключом к ситуации: полтора-два дня, – и я на заставе, а вертолет здесь. Но такой перевал в одиночку?! А почему бы и нет? Ведь только спуск. А участок закрытого льда за ним совсем

небольшой... Есть и закрытый ледник на подъеме. Вот если бы ребята меня проводили до седловины... Ладно, посмотрим утром... Спать!.. Может, уже завтра придет помощь!..

Образ похода: Вдохновение

Ты весь не при деле, ты весь на пределе!
Нет больше ни духа, ни сил,
Все «еле» и слабость в измученном теле,
Ты штурмом его надломил!

От воли несладок – лишь мутный осадок,
От мыслей – без смысла дурман,
А весь ты – упадок и жалкий остаток
Обмана и ноющих ран!..

Но вопли моления и стон настроенья
Страхни с обессиленных рук
Порывом паренья, искрой вдохновенья,
Восторгом во взгляде, – и вдруг!

Из тайны навета, какого секрета,
В какой непонятной борьбе
Появятся где-то вся собранность эта
И дикая *ЗЛОБА – К СЕБЕ!!!*

Феерия

Они лежали, наполненные спасением...

Поздно ночью Женя проснулась с ощущением, что ей приснился кошмарный сон.

«Где я?», – она проверила рукой, которая уперлась в крышу палатки...

«Да, все так, я в палатке! Как тепло и хорошо!»

Она ощутила резкое внутреннее изменение: ее угнетенное сознание полностью восстановилось, прояснилось.

«Что же случилось?.. Поток, водоворот, ветер, холод... Это был сон? Нет, не похоже! Все это было! Было! Когда? Вчера? Сегодня?.. Сегодня, причем недавно!.. И? Что такое она слышала?.. Что пришел Вадим и спас их? А это что, тоже приснилось? Что за блажь? В это поверить?.. Нас четверо в палатке!»

Женя потянулась, со страшным душевным трепетом, еще не веря, достала фонарь из его штатного места в кармане изголовья и посветила: Вадим тихо спал вплотную к ней у стенки, в своем спальнике. Беловы лежали головой в другую сторону, к выходу, в спарке...

«Так все это правда! Все, что с ней произошло, а Вадим действительно спасся! И спас их!.. Боже, какой поворот!.. Вадим! Любимый, милый Вадим!..

Прежняя моя жизнь, как казалось, навсегда потерянная вместе с Вадимом, теперь вместе с ним вернулась, влилась в меня снова. Но вернулась уже не такой, как была, а какой-то огромной, объемной и значимой. И в ней более резко, четко обозначились линии, – прошлые и настоящие мысли и чувства, взгляды и оценки, горе, радость, направленность поступков, удачи и ошибки. Я ощутила внутри тот порыв, который дается в жизни очень редко. Дается, например, в дурманящем вихре вальса с любимым, когда голова идет кругом от всего, чем мир наполнен и вне, и внутри тебя!..

Где бы они остались, если не он! Под ледником, на дне водоворота, или хрупкими ледовыми изваяниями на берегу... Она снова с содроганием подумала о страшном колодце и ледяных объятиях потока... Все позади, как страшный сон! И душевный ужас беды от потери товарища тоже позади! Вот он, живой и здоровый лежит рядом... Как же это так??? Чудо! Милый! Любовь моя!.. Она не смогла удержаться, наклонилась и нежно поцеловала его в губы, чтобы ближе почувствовать тепло его тела. Ничего, что он так зарос, что сгорела и огрубела кожа, порвалась и испачкалась одежда, ничего, что на руках и лице черные пятна «рукопожатий и поцелуев ведьмы» – следы местных высотных обморожений участков кожи... Все это чепуха!.. Что же это было – явь, или страшное наваждение? Это осталось и тем и другим!.. И сколько же он перенес, сколько горя хлебнул, и как же он спасся в этом ужасе?.. Никогда бы не поверила, если бы не увидела своими глазами!.. Какая добрая сказка!..

Женя откинулась и закрыла глаза. Внутри качались волны счастья, грудь дрожала и вздымалась от этих волн.

«Утро придет без надрыва. Она знает не все. Она узнает все! Потрясающий поворот судьбы! Как же это чудо свершилось? Но и он не все знает... Но узнает, и узнает все завтра! Узнает главное! Он заслужил! Я больше не могу скрывать мою любовь! Не могу и не хочу! То, что известно всем, должно быть известно и ему! Есть моменты в жизни, когда надо подойти и взять свое. А от чужого уйти... Будь что будет!.. Сама скрывала потому, что не до конца поняла. Поняла, когда потеряла. И обрела вновь уже с пониманием.

А ты? Думал ли ты о том, как болит о тебе мое сердце? Но я женщина, я не могла действовать по-мужски прямо. Только чуть-чуть, только взглядом, тонким намеком! Лишь один раз сорвалась. Сама не знаю, как... И вспомнив, вздрагиваю, как от раскаленного железа...

Я вышла из палатки. Небо очистилось, сверкало алмазами и рубинами звезд. Луна светила ярко-ярко и в ее свете загадочно прекрасно блестел ледник и заснеженные замки вершин. Переходы света и тени от скал, льда и снега рождали чудесные узоры серебряной чеканки ночных гор.

Потрясающе!

Я ощутила прилив, верно, самой звездной минуты своей жизни! Теперь в голове под слоем трепетной радости и счастья царила необычайная ясность мысли и памяти. Я помнила все, что случилось с нами в мельчайших деталях. А все, что не понимала, теперь легко додумала, поняла. Картина трагических событий последнего дня лежала, как на ладони. Только непонятно, как удалось спастись Вадиму, но утро даст ответ и на этот вопрос.

Любовь переполняла все существо, в ней плыли и тонули все эти исполинские горы!

Вадим! Он спасся, вернулся и спас нас, пройдя тропой героя!.. Но будет ли ему наградой моя любовь? Только это сомнение бредило душу... Будет! Должна быть! Я добьюсь!..

О, как же я богата! У меня есть почти все, о чем мечтала. Теперь у меня есть и братик, и сестренка! Нежной любовью сестры я обожаю и Саньку, и Наталку, – тоже моих спасителей...

Остаточная слабость и, временами, головокружение, в моем состоянии только усиливали восторг. Я качалась в пьянящем восхищении, опрокинув голову к небу и вершинам, как в медленном танце, с шепотом песни и именами любимых на губах. В предвкушении тепла и палатки, в которых лежат мои милые, шептала им самые нежные слова: «...О, ласкулька... О, пушистик!.. Заинька!..»

Романцову, Халиеву, Красовскому

13.08.91. 20.00. Срочно!

Сообщаю, что туристская группа Лапина не вышла в контрольный срок к МАЛ ЮИ. В качестве первой меры поиска завтра предполагаю предпринять авиаразведку на участке выхода группы. Прошу сообщить данные о маршруте группы и рекомендации по дальнейшим действиям.

Галинский.

Романцову, Красовскому, Галинскому

13.08.91. 21.00. Срочно!

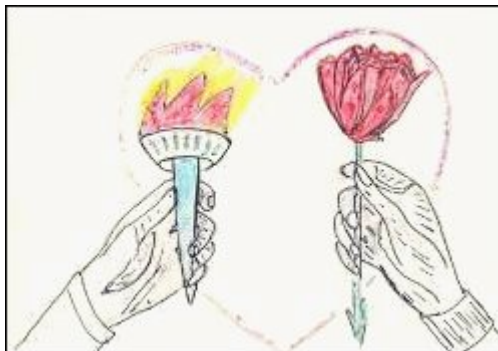
Прошу немедленно задержать следующую в поход группу Шепитько из Харькова на заставе Майда-Адыр для поиска группы Лапина. Я буду на заставе завтра, в первой половине дня. Сообщаю маршрут следования группы Лапина:

Ущелье Иныльчека – ледник Кан-Джайляу – перевал Путеводный (2Б) – ледник Путеводный – перевал Шокальского (3А) – первопрохождение перевала (3А-3Б) через хребет Иныльчек-Тау – ледник Каинды – перевал Мощный (2Б) – ледник Куюкап – перевал Куюкап (3А) – ледник Комсомолец – ледник Иныльчек – МАЛ ЮИ. В случае запаздывания группы возможно прохождение перевала Каинды (3А) с ледника Каинды на ледник Комсомолец. Вместо первопрохождения возможно преодоление хребта Иныльчек-Тау через вершину и боковой отрог от седловины перевала Шокальского. Авария наиболее вероятно могла случиться на участке первопрохождения и на участке перевала Куюкап. При поиске этим участкам надо дать приоритет. В качестве мер поиска рекомендую просмотреть указанные участки с вертолета и поисковым группам проверить наличие записок на перевалах Шокальского, Мощный и Куюкап, – это позволит нам

локализовать зону поиска. Красовского прошу завтра быть в МАЛ СИ или, лучше, на Майда-Адыре для координации поисков.

Халиев.

Любовь и Решимость

Эти взгляды надо видеть! Ради таких минут стоит жить! Все трое смотрели на Вадима с нежной, трепетной влюбленностью: он казался им ниспосланным свыше, полубогом-героем. Избавителем не только из ледового потока, но и от давящего укора, чувства вины за его гибель. Эта мысль давила, хотя вины и не было... Вначале смотрели, почти не отрываясь, не веря, что он с ними. А он... Он отвечал таким же взглядом. Ведь он теперь не один! Все они для него тоже воскресли! Такие ребята! Саша! Женя! Наташа!..

Новая грань любви и дружбы...

К утру Саша и Женя уже достаточно хорошо «отошли» от происшедшего, только общая усталость, разбитость напоминали о ночных событиях. Спасение Вадима оказалось хорошим лекарством против нервного стресса.

Краткие рассказы о происшедшем и ответы на вопросы позволили понять некоторые загадки аварии, механизм ее драматических поворотов, раскладку по времени. Стало понятно, почему при поисках не обнаружили свисающую веревку: никому и в голову не пришло искать ее в боковой расщелине скал. Ее могли заметить снизу, но оба раза Акулинин вылезал под склон в этом месте вечером, в условиях плохой видимости, и видимую часть веревки не разглядел. Скалу буквально оштукатурило снегом и льдом. Искать же окончание веревки на верхушке скалы... Помилуй боже, ведь после такого удара там и живого места не осталось!.. Конец веревки искали внизу, – там, где его не было.

Ирония судьбы: другую веревку нашли быстро. Лавина сошла в момент, когда Вадим перецеплял ее, и ее конец он просто сбросил вниз. Второй конец этой веревки был закреплен на нижнем крюке, – крюк откопали и веревку вытащили. А вот если бы вторая веревка осталась закрепленной наверху? Тогда, при ее снятии, обнаружили бы и первую. Возможно, тогда дошли бы до Вадима и помогли ему выбраться. А может, просто обрезали бы веревку и тем самым серьезно усложнили ему задачу спасения... Кто знает... Перипетии одного мгновенья рокового! Сколько они значат!..

Следы от стоянки и спуска группы на леднике совершенно закрыл мощный снегопад с метелью, на третью ночь после аварии. Поэтому Вадим их не обнаружил. Да и спускалась группа по ледопадку не так, как он, – левым вариантом и после предварительной разведки. Спуск прошел достаточно быстро, несмотря на отягощение группы травмированной участницей. Подгоняла и налетевшая непогода.

Вадима внутренне потряс рассказ Жени и Саши о борьбе в потоке. Как?! Совершить такое! Санька? Саинька?.. Этот мальчик, только вступающий во взрослую жизнь! Какие силы души требуются для того, чтобы так безоглядно бросить жизнь на спасение женщины, на спасение товарища! Ведь это – подвиг! Настоящий поступок мужчины, поступок с большой буквы! Не на людях, не под восхищенными взорами зрителей. А ведь если бы они ушли в эту дыру, – никто бы и не узнал, как погибли. Остались бы только догадки, да бачок на

леднике. Утром поток стал уже совершенно иным, – его глубина уменьшилась вдвое. Тогда, после дождя и дневного таяния ледника, сток был несравненно больше. Есть разница: чуть выше колена, 60 см, или почти по грудь, метр двадцать! И берега теперь совсем не такие скользкие... Теперь и предположить трудно, что такое могло случиться! Да, условия рожают ситуацию! А время с ней играет! А природа естественным образом уничтожает улики, изменяя условия игры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.